

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

ЭРА НЕГОДЯЕВ

Неоконченные хроники Третьей мировой

Александр Усовский

Эра негодяев

«Автор»

2007

Усовский А. В.

Эра негодяев / А. В. Усовский — «Автор»,
2007 — (Неоконченные хроники Третьей мировой)

ISBN 978-5-042-26725-3

Этот роман открывает собой серию книг об Управлении Н – подразделении Службы внешней разведки, которого никогда не существовало в природе, и об одном из наиболее успешных его агентов с оперативным псевдонимом Одиссей – который тоже всего лишь плод воображения автора этих книг. Все пять романов «Неоконченных хроник Третьей мировой» – сугубый и исключительный вымысел, полёт фантазии автора – хоть и вплетённый в ткань реальных событий. Ничего этого на самом деле не было – но всё это МОГЛО БЫ БЫТЬ... Первая книга «Неоконченных хроник...», роман «Эра негодяев», повествует о событиях на Балканах весной девяносто девятого года. Сюжет его основан на реальном факте крушения в будапештском аэропорту американского самолёта-разведчика Е-2 «Хокай» – автор лишь позволил себе не согласиться с официальной версией этой катастрофы, выдвинув собственную версию развития событий. Ну а читатель пусть сам решает, чьё объяснение правдиво, а чьё – выдумка от начала до конца...

ISBN 978-5-042-26725-3

© Усовский А. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Усовский

Эра негодяев

Моей жене Лене – без которой не было бы написано ни строчки...

Студентам и преподавателям Белорусского государственного университета и Университета Шлёнского в Катовицах, вместе с которыми мне выпала честь прикоснуться к Истории – посвящается

Пролог

Сегодня, перед лицом смерти – я отвергаю отчаяние.

Отчаянье – сестра трусости; отчаянье не способно стать причиной самоотверженности, оно не рождает ничего, кроме сумеречного угасания духа, и не ведет ни к чему, что могло бы послужить созиданию.

Мать наша, христианская церковь, всегда относилась к семи смертным грехам – ибо отчаявшийся человек утрачивает надежду, единственное, что в тяжкие времена поддерживает в каждом из нас искру жизни – и начинается нисхождение во тьму неверия; и лишенный благодати Божьей, отчаявшийся погибает душой – хотя телом, быть может, он еще и жив.

Прах, пепел и тлен – удел отчаявшихся; свет истины и ветер свободы – Господний дар для сохранивших надежду в самую полночь безверия!

Герцог Норфолк,
казнённый 2 июня 1572 года в королевской тюрьме Тауэр по обвинению в организации «Заговора Ридольфи»

*То были дни, когда я познал, что
значит – страдать; что значит – сты-
диться; что значит – отчаяться.*

Пьер Абеляр

Praestat cum dignitate cadere quam cum ignominia vivere!

Самый лучший солдат – тот, кто на войне умудрился прожить дольше других и ни разу не струсить; смерть в бою входит в служебные обязанности солдата – и каждый солдат, беря в руки оружие, заранее соглашается с этим пунктом его контракта. Но никто из них не думает, что погибнет именно он – на любой, самой страшной и жестокой войне, у любого из участников самой кровопролитной битвы есть шанс остаться в живых; наверное, именно поэтому ни одна из войн в истории человечества не заканчивалась по причине отсутствия на полях сражений нужного количества живой силы.

Мы были солдатами; и каждую минуту мы были готовы, по велению наших вождей, выступить в наш единственный, в наш Последний Поход – в котором самым главным для каждого из нас было одно: не струсить. Мы не жаждали военных подвигов и славы, мы не грезили об орденах и медалях – мы просто были готовы выполнить свой долг перед своей страной. Никто из нас не бахвалился бесстрашием, никто из нас не мечтал «с честью погибнуть в бою» – мы просто были готовы отдать своей Родине свою жизнь; экая малость!

Мы были солдатами – наверное, далеко не самыми худшими в этом лучшем из миров; едва научившись ходить, наши мальчишки начинали играть «в войну», и игрушечное оружие сопровождало наше взросление от колыбели вплоть до того мгновения, когда в наших руках оказывалось оружие боевое. Мы становились солдатами, еще не став по-настоящему взрослыми мужчинами – Родина позволяла нам убивать в бою врагов, в то же время не разрешая нам приложиться губами к бокалу легкого вина; уж такие у нас были нравы и обычаи!

Мы были солдатами – ибо таково было положение вещей в нашем мире; тот, кто не был солдатом – не был по-настоящему человеком, и окружающие недоуменно-подозрительно смотрели вслед тому, кто был лишен права вступить на стезю воина, кому было отказано в возможности взять в руки оружие.

Вся наша страна готовилась к решающей, Последней Битве с врагом – и во имя грядущей победы в этой битве наши вожди считали возможным пренебречь жизненными условиями своего народа; последние были отвратительно жалки и ничтожны. Мы отказывали себе в излишних удовольствиях и ненужном, с точки зрения наших вождей, комфорте – зато мы с постоянством, пугающим даже наших друзей и союзников, копили горы оружия. Оно казалось нам нужнее, чем бытовые удобства и жизненные удовольствия – потому что в час Решающей Битвы всего один лишний танк, одно лишнее орудие, один лишний бомбардировщик – а может быть, даже один лишний пулемёт! – как считали наши маршалы и генералы, сможет решить ее судьбу, на ближайшее столетие определив нового Хозяина Мира. И мы строили танки, пушки и самолёты, отказывая себе в лишнем куске хлеба – ибо каждый новый танк повышал – как мы тогда думали – наши шансы в грядущем сражении за судьбу Ойкумены. Мы верили в своё оружие – но опасность поражения таилась совсем в другом месте.

Мы были солдатами – но Время Солдат заканчивалось; мы не знали этого, и честно и прямодушно готовились сразиться с нашим врагом в битве, которая, рано или поздно, но все же произойдет – так говорили нам ответственные лица с высоких трибун, с газетных полос, с экранов телевизоров. И мы готовились к этой битве – не подозревая, что, невидимая обычному взору, эта битва уже шла – и мы в ней не побеждали...

Мы так и не двинулись в наш Последний Поход; полковые трубачи не сыграли на рассвете нам свою главную «зорию», и наши армии не были подняты по боевой тревоге. Наше оружие так и осталось в оружейных комнатах, наши танки и бронетранспортеры, не сделав ни одного выстрела, были брошены ржаветь в парках и ангарах, наши корабли так и не отошли от причальных стенок, не сменили учебные снаряды и ракеты на боевые; той Войны, ради которой каждый мужчина моей страны учился владеть оружием – не произошло. И совсем не потому, что у наших вождей в недостатке было под рукой солдат и пушек, отнюдь; главная война нашей жизни не случилась по иным причинам, гораздо более значительным, чем нехватка амуниции или устарелость техники – слава Богу, эти пустяки никогда в истории нашего государства не были препятствием для ведения войн. Бывали времена, когда мы воевали и вовсе без армии, одним ополчением, одетым в лапти и армяки, без техники, без патронов и снарядов, без регулярного снабжения и устойчивой линии фронта – и ничего, справлялись.

Главная война нашей жизни не случилась из-за измены наших вождей; измены не идея, Господь с ней – та идея была мертва изначально, от нее за версту несло нафталином и запахом тления; измены нам, своим солдатам. Наши вожди просто приняли сторону врага – ибо враг нашел убедительнейшие доводы и неотразимейшие аргументы насущной необходимости их предательства; враг нашел путь к сердцам наших вождей – вернее, к тому, что им их заменяло; и наши вожди изменили нам, своему народу.

Мы потеряли самое сокрушительное поражение в истории нашей страны – без единого выстрела. Мы все остались живы – но мы перестали быть солдатами. И в тот день, когда наши вожди склонились в угодливом поклоне перед доселе ежечасно и ежеминутно проклиняемым врагом –

Время Солдат закончилось.
Наступила Эра негодяев...

Глава первая

* * *

«Милый, любимый Сашенька!

Я долгое время не решалась написать тебе, все чего-то боялась. Это мое первое письмо – с его помощью я постараюсь сказать то, что тогда, на перроне, сказать не смогла.

Я не могу жить без тебя – как без воздуха, без неба, без солнца; я понимала это с первого же дня нашего знакомства – но и требовать от тебя тех шагов, которые, по моему мнению, ты должен был бы сделать – я не хотела. Может быть, именно поэтому тогда, на вокзале, мы неловко молчали, стараясь не смотреть в глаза друг другу – потому что я не смогла пересилить себя и сказать тебе те три главных слова, которые ты, наверное, ждал от меня. Теперь я могу их сказать – мне это легче сделать, не видя твоих глаз.

Я люблю тебя – и любила всегда, с самого нашего первого знакомства, даже раньше – с нашей первой встречи, когда ты молча прошёл мимо меня, спускаясь вниз со своими друзьями; а может быть, я любила тебя всегда... Знаешь, теперь я понимаю, что, пока между нами были отношения – для меня не существовало окружающего мира, мне никто не был интересен. Я очень долго, всю свою жизнь, искала тебя, искала эту любовь; когда же нашла – то очень быстро потеряла. Только сейчас, в разлуке с тобой, я смогла понять, что в этой жизни могу любить лишь один раз и лишь одного тебя. Я хочу быть только с тобой, и эти два месяца, что я прожила без тебя, меня убедили, что я не ошибаюсь. Несмотря ни на что, я храню свою любовь к тебе, тебя желаю, о тебе мечтаю, твоё имя повторяю ежечасно и ежеминутно.

Увы, обстоятельства сложились так, что нам пришлось расстаться. В тот вечер, когда мы были вместе, как оказалось – в последний раз – я не решилась сказать тебе, что не могу жить без тебя. Наверное, я боялась этих слов – а может быть, ты боялся их не меньше. Но, прожив в разлуке без тебя, твоей заботы и ласки, понимания – я ощутила пустоту в душе, поняла, как мне тебя не хватает, как мне трудно без тебя. Мир стал серым, злым, убогим. Ты единственный человек, о ком я думаю и с кем хочу быть. Даже если ты не получишь это мое письмо – я все равно буду знать, что ты со мной.

Я люблю тебя!

Твоя Герди.

Шпремберг, 12 августа 1992 года»

Очень трогательно. Просто умирительно... Что ей стоило сказать эти слова ему в лицо? Тогда она молча отводила глаза, прятала их за дымчатыми стёклами солнцезащитных очков, ежеминутно без нужды оборачивалась к своим однокурсникам – которые из деликатности отошли от них на несколько шагов. В те последние десять минут, когда они еще были вместе – рухнул его мир; впрочем, в общем грохоте крушения всего остального большого мира их маленькая, локальная, почти незаметная для остальных катастрофа – осталась почти незаметной...

Он вспомнил тот июньский вечер, когда студенты из бывшей ГДР, закончив учебу, уезжали в свою новую Германию, за время их шестилетнего отсутствия вдруг ставшую снова единой – имея на руках восточногерманские паспорта и дипломы советского образца. И то, и дру-

гое, как тогда им казалось, было безнадежно бесполезно в новой, неведомой им, жизни. Они нервничали, стараясь скрыть свой страх перед неведомым будущим за излишне громкими разговорами, преувеличенно жизнерадостным смехом, чуть истеричной манерой общения со своими советскими (советскими? Те, кто оставался на перроне, так же, как и их немецкие товарищи, весьма и весьма смутно в те дни могли самоидентифицировать себя) сокурсниками.

И рядом с ним тогда стояла его Герда...

В тот день в небольшой группке выпускников на перроне минского вокзала они последний раз были вместе. В последний раз... Они стояли у вагона, не решаясь произнести главные слова – он и его Герда, не по-немецки смешливая блондинка с серо-стальными, так резко контрастировавшими с ее улыбкой, глазами. Она молчала – и он тоже не знал, что сказать ей на прощание. Вернее, знал – но мучительно не готов был это произнести. «Останься»? Предложить любимой девушке – хрупкому, нежному созданию – остаться там, где, по его тогдашнему разумению, и здоровым мужчинам жить было крайне трудно? Предложить ей разделить кров – которого у него не было, и кусок хлеба – который ещё неизвестно, как нужно будет заработать? Остаться в стране, только что нарисованной на карте – с таким туманным будущим, что самые ясновидящие астрологи терялись в попытках предсказать ей грядущее? Остаться рядом с ним в том бардаке, что царил на просторах родного Отечества? Без настоящего образования (ну кто даже сейчас всерьез воспримет «профессию» философа или историка, не говоря о переломном девяносто втором?), без средств к существованию, без будущего? Кому в этом новом мире нужны были их дипломы о философском образовании? Разве что мышам – и то, если этим грызунам твердые корочки образовательных документов придутся по вкусу.

Июнь девяносто второго... Что и говорить, смутное время, время крушения старого мира и зарождения мира нового; какая может быть любовь в реконструкционный период? – как писали Ильф и Петров, кажется. А оказывается, была... Да что врать самому себе? Он и тогда знал об этом так же хорошо, как и сейчас – и незачем Герде было терзаться, мучительно подбирая ничего не значащие слова, чтобы вдруг, случайно, в запале – не произнести всего лишь три нужных...

Всё равно – во всём, что тогда случилось, виноват он и только он. Что ему тогда стоило сказать: «Останься»? Тогда и ей ничего бы не стоило произнести те три простых слова, которыми она закончила свое письмо, пришедшее через три месяца после их последнего грустного свидания на перроне – когда уже ничего нельзя было изменить?

Он сложил в очередной раз прочитанное письмо в конверт, лениво потянулся к своему пакету, достал оттуда пластиковую коробочку и аккуратно сложил туда плод эпистолярных упражнений сероокой Герды Кригер, в данный момент – как он думал – добропорядочной немецкой фрау. Прошло шесть лет... а кажется, что прошла целая жизнь.

Он знал, что лукавит – даже перед самим собой. На самом деле, ему было невыносимо стыдно за те десять минут на минском вокзале – стыдно даже сейчас, спустя шесть лет. И все эти годы он продолжал мучительно искать оправдания – даже сегодня, когда в сотый – да какой сотый, в тысячный! – раз достал тоненькую пачку ее писем и вновь перечел первое, самое тяжелое, самое глубоко ранящее сердце.

Герди... Милая девочка из маленького городка у самой польской границы, так непохожая на хрестоматийную немку из учебника! Где ты сейчас, мое маленькое сероглазое счастье?

Он перевернулся на живот, подставив под скудные сентябрьские лучи уже довольно загоревшую спину, огляделся.

Кроме него, на этом небольшом пляжике у железнодорожного моста через Березину не было почти никого – две парочки, три мамы с детишками, собачник с дружелюбной и донельзя любопытной колли, с которой он уже успел за это время подружиться, и для которой каждый раз брал из дому кусочек колбасы или сосиску; хозяин не возражал, а ему было приятно каждое утро видеть радостное помахивание хвостом и дружелюбную улыбку на умо-

рительной рыжей морде – кстати, а кто сказал, что собаки не умеют улыбаться? С мамашами было сложнее – хотя некоторые из них явно хотели бы «подружиться», но такая дружба в его планы не входила; весьма вероятно, что у этих излишне компанейских дам могут быть (впрочем, скорее всего, есть) мужья, а нарываться на неприятности ему совсем не хотелось; в конце концов, есть же Люся из кафе «Золотой петушок»...

Прохладный ветерок колыхал ветви рахитично-худосочных берёзок, каким-то чудом, вопреки замыслу матери-природы и здравому смыслу, проросших на этом безнадежно бесплодном песке; задумчиво и таинственно шелестели ветви ив, хозяйственно и деловито уместившихся у самого уреза воды. Было тихо – как бывает тихо в сентябре, когда летнее буйство красок постепенно отцветает, когда птицы, закончив выкармливание птенцов, ставят их, ещё совсем несмышлёных, на крыло, когда пышно отцветшие в мае яблони радуют глаз сочными боками своих плодов. Лето ушло, но настоящая осень еще не наступила – было то время, которое прекрасно характеризуется словом «межсезонье». Летний сезон закончился, по вечерам, хотя сентябрь еще только начинался, было уже довольно прохладно – поэтому не было ничего удивительного в том, что в этот день на пляже у моста было так мало народу. Да и вообще – тут он усмехнулся – нормальные люди в разгар рабочего дня обычно работают, а не валяются кверху пузом на пляже.

Хм... Нормальные... Да, его сегодня, пожалуй, трудно отнести к нормальным – тридцать лет, а ни семьи, ни детей, ни жилья, ни работы; не человек, а ветер в поле. А главное – в будущем какой-то большой, черный, мрачный тупик; выхода нет. Или он просто плохо ищет? Когда-то он потерял ту дорогу, по которой ему нужно было идти – и с тех пор всё продолжает и продолжает бродить по захламлённым тёмным подворотням, в безнадежных попытках найти выход из этого мрачного лабиринта. Как там, у Стругацких? *«Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы»*; как-то так, кажется. «За миллиард лет до конца света», кажись, называлась эта вещь... Когда он её читал – не думал, что эта книга о его хромой судьбе, а оказалось – именно о нём. Тогда, на перроне, он испугался встать на данный судьбой путь – и теперь эта самая судьба жестоко мстит ему, предавшему свою мечту, отвернувшемуся от женщины, которая – единственная! – тогда в него верила и на которого надеялась. Поделом вору и мука, как гласит мудрая русская пословица...

Милая, милая Герди! Как же мне не хватает сегодня нежного взгляда твоих арийских, серо-стальных обычно, и небесно-голубых – очень редко, в те моменты, которые я помню наперечет – глаз! Как не хватает твоей уверенности в том, что он, ее мужчина, способен на все, что любое невозможное дело ему по плечу!

Тогда, в девяносто втором, многим его друзьям казалось – весь мир может оказаться у их ног; стоит только захотеть! Тогда он тоже, как и его товарищи – кинулся в занятие бизнесом, очень плохо себе представляя, что это такое на самом деле. Боже, какой херней они тогда занимались! Мальчишки, возомнившие себя матерыми коммерсантами... Сегодня это смешно; тогда все это было всерьез – и даже больше, чем всерьез. Тогда все окружавшие его однокурсники были свято убеждены – и это убеждение он истово разделял – что нужно лишь успеть ухватить за хвост птицу удачи – и вот они, ожившие картинки из глянцевого журнала: шикарные машины, роскошные дома, ослепительные женщины, море, песчаные пляжи неестественно желтого цвета, обеды на террасах дорогих ресторанов, свежие лобстеры, мартини, сигары под коньяк...

Господи, как же дешево их купили!

За блестящие миражи грядущего буржуйского рая они, смеясь, отдали всё, что у них тогда было за душой – будущее своей Родины – и весело смотрели, как исчезает в океане небытия их великая страна, как дробиться на кусочки, пропадает в тумане прошлого то, за что насмерть сражалось сорок поколений их предков. Идиоты, восторженные, слепые иди-

оты! Аплодирующие своей собственной гибели, танцующие на едва засыпанной могиле своей страны...

Какое-то время – не очень продолжительное, на самом деле – им удалось побыть «бизнесменами». Они заключали какие-то контракты, с шиком прожигали шальные, дуриком заработанные деньги – в святой уверенности, что так будет всегда, что уж теперь жизнь повернулась к ним лицом, что удачу им окончательно и бесповоротно удалось ухватить за загривок; и теперь наступило их время!

Они не знали, что им очень дорого и очень скоро придётся заплатить за этот пир во время чумы. Многим – жизнью и здоровьем, кому-то – семейным благополучием, а большинству – тщательным выкорчёвыванием в своей душе всего человеческого; ибо отныне «человек человеку – волк»! Всем им, пусть помимо их воли, но всё же допустившим крах своей Отчизны – пришлось досыта хлебнуть горького блюда под названием «расплата».

Потому что потом, после маленького кусочка сладкой жизни, вырванного у судьбы почти насильно – наступило тяжелое похмелье; они оглянулись и увидели страну, уходящую в безнадёгу нищеты, постоянно сужающееся пространство для свободной коммерции, на котором уже не было места романтикам и мечтателям; очень быстро появились бандиты, вдруг возникли долги, на которые приходилось платить бешеные проценты; хищные зубы недавних коллег вдруг безжалостно начали рвать долю своих товарищей... Грязь и мерзость, подлость и предательство – всего этого они хлебнули с избытком, вдвое, втрое больше, чем красивой жизни, едва промелькнувшей на зыбком неверном горизонте.

Красивая и богатая жизнь очень быстро закончилась – вдруг сменившись глухой безнадежностью, мёртвым тупиком. Они оглянулись – и поняли, что наступающий мрак уже плотно взял их глотку.

Очень быстро чувство эйфории сменилось ощущением обстановки вялотекущего краха. Всепожирающего, спланированного издавека, давно и надёжно. Краха всего, что еще недавно казалось незыблемыми ценностями – и вдруг однажды пришедшее осознание предопределённости всего этого кошмара! Кем-то и когда-то задуманного, виртуозно проведенного, идеального по исполнению плана медленной гибели его страны и его народа. И ежедневно и ежечасно претворяющегося в жизнь – с планомерностью машины, бесчувственной, хорошо отлаженной и смазанной машины.

А ведь она ему об этом говорила... Милая, славная Герди! Это было весной девяносто второго, ранней весной, еще лежал снег; они гуляли тогда в парке Горького, казалось, что все, как и прежде – но он понимал, что, вместе с ноздреватым серым снегом на парковых аллеях, в прошлое уходило что-то важное в их отношениях. Что она тогда ему говорила? «Вы скоро станете очень давним, очень туманным прошлым. Быть может, уже наши дети будут читать о вашей стране в книжках и недоверчиво качать головами – не думай, что вам позволят вернуть хоть что-то! Вы легко и весело разрушили свою большую страну – теперь им будет совсем просто превратить ее осколки в большое поле для охоты. Не думай, Алекс, что мне не жаль твоей страны – мне очень жаль всех вас; но вы сами безрассудно идете в капкан, который для вас приготовлен! Пойми, у вас нет будущего – вы нужны им только в качестве рабов – причем, в отличие от рабов римских, вас даже не будут обязаны кормить! В этом новом мире, о котором ты так восторженно рассуждаешь – нет места человеческому; это мир мертвецов! Каждый за себя – это означает, что никто за другого. Я не понимаю, почему ты смеешься!»

Они долго, до озноба, до головокружения целовались – ведь была весна... Пся крев, а ведь нежная, трепетная Герди была тысячу раз права! Она видела его слепоту, его бездумную восторженность – теперь он понимает, как ей это было тяжело. Ведь она, в отличие от него, знала...

Он не сказал ей «останься» в тот июньский вечер, на перроне минского вокзала – во многом именно из-за почти невидной, микроскопической трещинки, что пробежала в их отно-

шениях после того разговора; а ведь она оказалась права! Он, как упертый баран, пытался доказывать ей свою правоту – он, до макушки погруженный тогда в дурман «новой жизни», не воспринимавший ни единого слова, которое бы смогло его отрезать. Он рисовал ей сияющие перспективы своей коммерческой деятельности, величественные замки благополучия и богатства, расписывал грядущую шикарную и беззаботную жизнь – а она смотрела на него, как опытный, матерый, выдавший виды и тёртый жизнью сержант смотрит на обритого наголо зеленого новобранца в необмятом обмундировании, заявившего свои неоспоримые права на маршальский жезл, в доказательство серьезности своих намерений предъявившего пустой ранец... Господи, каким дураком он тогда был!

Герди, милая Герди! Где ты сейчас?

Правда, в Париже – как там, «увидеть Париж и умереть», идея фикс всей российской образованщины? – он все же побывал – уже на закате своей быстротечной коммерческой карьеры; причем по-богатому, вместе с женой, которая, в отличие от шибко умной Герды Кригер, всецело разделяла его тогдашние жизненные воззрения и приоритеты. Никчемная, пустая «интеллектуалка», возомнившая себя невесть кем... Он посмел променять Герди – милую, нежную, всепонимающую Герди – на этот склад банальностей! Опять же, поделом вору и мука – когда жена предала его, легко и небрежно, почти походя – он этому нисколько не удивился. Женщины любят победителей... А он не смог стать победителем в тех крысиных бегах, что назывались «коммерцией по-русски» – не хватило, наверное, какого-то специального хватательного гена в его наборе ДНК. И стал аутсайдером – неудачником, если по-простому. Лузером, как сейчас стало модно говорить.

Горько всё это сейчас вспоминать, горько и обидно... Но вспомнить надо – хотя бы для того, чтобы разобраться, кто он сейчас на этом свете.

Что он делает в этом забытом Богом городке? Живет. Или доживает? В общем, существует – как растение; нет, хуже, чем растение – у того хоть есть цель существования, любое растение размножается; ему же не удалось даже это... Сначала жена хотела «пожить для себя», потом, когда проблемы начали расти, как снежный ком – о каком ребенке могла уже идти речь? Да и супруга, как теперь очевидно, еще в самом начале трудностей быстро и решительно поставила на нем крест – бедная, бедная жертва того же самого мифа, в который в начале девяностых верил и он сам! Ведь она же искренне была убеждена в том, что достойна самого лучшего варианта красивой жизни – а как же? Ведь во всех глянцевах журналах об этом написано черным по белому (или оранжевым по зеленому, это как получится). А раз так – долой мужа-неудачника, да здравствует жизнь свободной и богатой женщины! «Свободной», как оказалось – сколько угодно, а вот насчет «богатой» – с этим случилась заминка... В общем, не получилось богатства. Несмотря на предательство – впрочем, читала же девушка в юности Новый Завет, знала, стало быть, об истории с тридцатью динариями. Могла бы и вывод сделать... Не сделала. Стало быть, винить должна исключительно сама себя.

Герди, милая, солнечная Герди! Чем ты сейчас занята, кто чутко сторожит по ночам твой сон? Дай Бог тебе удачи хоть в этом! Какого же дурака он сваял тогда, в девяносто втором, на перроне минского вокзала...

Вообще – каким болваном он тогда был! «Перед нами открылся весь мир, мы создадим торговую империю, мы разбогатеем...» Это сейчас глупо и смешно – тогда это казалось незыблемыми истинами! «Великая торговая империя»... Боже, каким смешным кретином он был тогда в ее глазах! Напыщенный фанфарон, напоминающий павлина, важно вещающий о какой-то несусветной ерунде, о своих планах покорения мира – удивляюсь, как она тогда просто не плюнула ему под ноги?

И ведь не сразу открылись у него глаза – потребовалось долгих три года, чтобы мозги освободились от наносной шелухи разных идиотских тезисов – типа «свободного предпринимательства» и «коммерческого успеха любой ценой». Долгих, долгих, очень долгих три года!

Кто знает, чем бы закончилась его «коммерческая» жизнь, всё более и более напоминавшая скверную пьеску из жизни безнадежных банкротов – если бы не ТОТ случай...

Слава Богу, в один ясный солнечный день случилось Чудо. Для него – очевидно, при попустительстве судьбы, не усмотревшей за причудливой игрой случая – нашелся тот самый Третий путь, о котором говорил Юра Блажевич; правда, в транскрипции его философствующего друга этот путь и всё, что с ним связано, выглядело несколько иначе – ну, на то у Юры и была такая странноватая фамилия...

Это произошло в девяносто пятом, в марте. Точно – в тот день как раз застрелили Влада Листьева, и все радиостанции и телеканалы только об этом и говорили.

Он жил тогда у матери – зализывал раны после очередного коммерческого провала... или отдыхал после успешного завершения очередной сделки? Не важно. Важно то, что именно в этот день раздался телефонный звонок, изменивший его жизнь. Он и сегодня помнит его до последнего слова.

Телефон зазвонил утром, около десяти. Он как раз заканчивал завтрак, и телефонный звонок, отвлекший его от яичницы с ветчиной, не мог не вызвать реакции раздражения. Взяв трубку, он тогда довольно резко бросил:

– Слушаю!

– Одиссей?

Мгновенно раздражение сменилось ошарашенным удивлением. Ого! Вспомнили! Через девять лет! Надо же...

– С кем имею честь? – хотя чего спрашивать? Если назвали его рабочий псевдоним – значит, это именно те, о ком он думает. Впрочем, перестраховаться будет не лишним. Как говорил его командир роты, старший лейтенант Митин: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».

– Вам привет от Дмитрия Евгеньевича. Помните такого?

– Помню.

– Хорошо бы повидаться. Завтра, в Бресте, в полдень, у входа в центральный универмаг – устроит?

– Добро. Буду.

– У меня в руках будет ваша любимая книга. До встречи!

На следующее утро он был в Бресте. Человек, ожидавший его у входа в универмаг, держал на руках «Похождения бравого солдата Швейка» в зеленой обложке – все сходилось.

Задание оказалось несложным – на его взгляд. Конторе требовалось перекинуть через границу с польской стороны четыреста килограмм белого порошка, расфасованного в шестнадцать мешков по двадцать пять кило содержимого в каждом. Причем сделать это нужно было, не обременяя пограничников и таможенников с обеих сторон излишними и в данном случае никому не нужными формальностями.

То бишь, говоря прямо – контрабандно.

Связник тогда передал ему адрес в Польше, по которому нужно было забрать товар, деньги и адрес в Москве, куда эти шестнадцать мешков следовало доставить. Остальное было оставлено на его усмотрение – то бишь, на его полную и абсолютную ответственность.

Можно было не браться. В конце концов, уже четыре года не было государства, которому он в восемьдесят шестом присягнул на верность; формально никаких обязательств он не нес и по той подписке, что дал, как тогда было принято писать, «компетентным органам» – теперь это были органы чужой страны. Чисто юридически у него вообще не было никаких обязанностей перед Той Организацией – но он взялся за то дело. Почему?

Он и сегодня не мог дать себе ответ на этот вопрос. Но прекрасно помнил то ощущение счастья, последовавшее вслед за своим согласием на операцию – как будто с плеч свалилась невыносимая тяжесть, как будто после долгого и тяжелого бессолнечного ноября – вдруг

начался апрель; он был нужен, в нем нуждались – и этого ему оказалось достаточно, чтобы снова встать в строй.

У него был в Бресте друг – бывший сотрудник таможни Олег Нетренко; однажды паренек неосмотрительно задержал автобус с дагестанскими номерами, по самые шпигаты набитый банками контрабандной черной икры. Арест автобуса, конфискация контрабанды, фанфары в честь героя – очень быстро сменились увольнением этого же героя «в связи с неполным служебным соответствием». Дело житейское – горцы кому нужно «наверху» заплатили за «зеленый коридор», а «верхний дядя» не пожелал в нужном ключе проинструктировать инспектора; в результате провал всей хитроумной операции. «Дяде» нужно было чем-то ответить – он и уволил чересчур резвого инспектора; парень еще очень легко отделался! Даги требовали голову неуступчивого таможенника...

В общем, человек, который помог бы ему в этом деле – нашелся почти мгновенно. И человеку этому вставить фитиль бывшим коллегам – было за счастье; к тому же деньги никогда не бывают лишними. Так что с исполнителем вопрос решился.

Разумеется, он не стал посвящать Олега в тонкости предстоящей операции – к чему? Только нагонять лишнего страху; пусть это будет обычная контрабанда!

Сказано – сделано. Версия сложилась очень славная: в Польше производится порошок – смесь для маринования сельди; его легальный импорт затруднен в связи с запретительными, по своей сути, таможенными пошлинами (четыре доллара за килограмм!), посему эту смесь для российского рыбного заводика надо ввезти по-тихому. Москвичи готовы заплатить половину от возможной пошлины исполнителям, плюс транспортные и прочие расходы. Восемьсот баксов чистой прибыли за непыльное дело – чем плохо?

Олег согласился тут же. И на следующее же утро на его «пассате» с прицепом они, по телефону предупредив хозяина склада, чтоб был на месте вечером – выехали в Колобжег, расположенный у черта на куличках, на самом берегу Балтийского моря; получить груз надлежало именно там.

За световой день дорогу они не одолели (выехали поздно, четыре часа угробили на таможне, а потом еще полтора часа проплутали в Варшаве – им надо было на шестьдесят второе шоссе, на Плоцк, а выехали – по темному времени – на шестьдесят первое, на Легионово), пришлось заночевать на заправке, полста верст не доехав до Кошалина; приехав уже утром следующего дня, они обнаружили хозяина склада в предынфарктном состоянии – тот не спал всю ночь, ожидая тех, кто избавит его от опасного груза, с замиранием сердца.

Он не стал спрашивать хранителя, что же лежит в мешках – по счастью, Олег в это время грузил порошок в прицеп и не видел, какую реакцию вызывает этот груз у поляка.

Он не спросил о содержании мешков и тогда, когда доставил груз в Москву – к чему? Главное было – выполнить задание; если его не посвятили в тонкости процесса – стало быть, к тому были важные причины. Его деликатность оценили – финансово; вернувшись в Брест, он честно разделил премию со своим поделщиком.

Хотя, в принципе, дело оказалось не столь уж и сложным. Мешки сложили у знакомого поляка в Словатичах, польской деревеньке у погранперехода Домачево, запихав их подальше от глаз случайных посетителей в самую глубину хозяйского сарайчика, посреди разного хлама типа поломанных сеялок-веялок, старых колёс, сломанных ульев – Бог весть зачем хранившихся у запасливого польского Плюшкина. Затем провели разведывательную ходку, определились со временем пересечения границы, со сменами знакомых таможенников (машины и груз шмонают они, погранцы смотрят паспорта и удостоверяются в соответствии фотоконпии оригиналу). И, проведя основательную подготовку – за пять рейсов вывезли все это добро в Белоруссию: один мешок – вместо запаски, два – под задним сиденьем. Границу (возвращаясь из Польши) обычно пересекали к концу смены, когда внимание таможенников притуплялось до минимума, забив багажник всякой польской ерундой (пакетами с чипсами и конфетами,

яблоками, копченой свининой – в общем, всем тем, что обычно возили жители белорусского приграничья с польских базаров), и посадив на заднее сиденье пару попутчиц (многие жители Домачево таким несложным путем катались в ближнюю Польшу с контрабандным украинским спиртом, правда, в божеских объёмах – по два-три литра: туда на одних попутках, обратно – на других; пеший переход был запрещен).

Первая ходка вызвала тогда у него изрядную нервную дрожь, холодный пот на лбу и предательскую тошноту – последняя же, когда лишний, шестнадцатый мешок, пришлось тщательно маскировать уже просто в багажнике, не спрятав его в нишу для запаски (там не было места), а лишь завалив его грудой ярких пакетов с леденцами – не родила даже тени волнения. Работа как работа – и они сделали ее так, как надлежит.

Ну, а на своей стороне все остальное было – дело техники. Он нашел фирму, за малую толику согласившуюся стать легальным экспортером в Россию кормовых добавок для крупного рогатого скота. За сотню сговорился с изготовителями соответствующих документов, и, погрузив уже абсолютно легальные премиксы в микроавтобус – убыл в первопрестольную.

Вся музыка заняла у него тогда двадцать шесть дней. Вдвое меньше, чем запланировали для этой операции в Москве!

Он не знал, почему выбор командования пал не него. Наверное, ему просто повезло. В жизни иногда случаются странные вещи...

В те дни жизнь вновь (правда, на очень короткий промежуток) приобрела смысл. Ему довелось прикоснуться к Тайне – и это очень долго позволяло ему считать себя в своих собственных глазах человеком, выполнившим свой долг. Долг солдата и мужчины.

Он оставил молчаливому брюнету, принявшему у него груз в Москве, свои координаты (на случай, если его не будет у матери), и брюнет скупно пообещал, что в случае нужды о нем вспомнят и непременно привлекут – но с тех пор ему никто и никогда так ни разу и не позвонил, и не написал. Деньги, полученные за доставку «смеси для маринования сельди», довольно быстро кончились, он снова взялся за мелкие коммерческие дела; на жизнь хватало – но разве для того он родился на свет, чтобы торговать контрабандными сигаретами или реализовать мелкими партиями фальшивую водку, разлитую ушлыми армянами?

В конце концов, что он скажет Герде, если та, паче чаяния, вдруг увидит его, разгружающего ящики с паленой «Столичной» у заднего двора какого-нибудь сельпо в Гомельской области? Конечно, Герде нечего делать в такой заштатной тмутаракани – но вдруг? Он стал тем, кем должен был стать по ее прогнозам – люмпен-коммерсантом (интересно, а такие вообще есть в учебниках политэкономии? Или это лично ею созданный неологизм?), самым мелким из компрадоров, ничтожным торговцем вразнос – то есть никем... И она ЭТО увидит! Нет, хватит!

Эта мысль мучила его все те месяцы, что прошли в идиотской «мелкооптовой» торговле – причём мучили иногда чисто физически; тем более ему было обидно промышлять такой ерундой после покрытого загадочным флёром и такого удачного польского похода. И два месяца назад – хорошо, что прозрение наступило ДО дефолта, ему удалось сохранить малую толику сбережений – он бросил всю эту музыку. Денег хватило, чтобы снять на полгода квартиру в этом занюханном Борисове, и еще осталось на сносное питание на весь этот срок. Что дальше – он не знал; но также хорошо он знал, что больше ничем таким, что создавало бы ему душевный дискомфорт – он заниматься не станет. Лучше сдохнуть...

Милая, нежная, желанная Герди! Как ты оказалась не по-женски умна и прозорлива! И как лучисты были твои глаза! Как прекрасна улыбка!

Сегодня мне не было бы стыдно перед тобой. Я еще не нашел своего места в этой, тысячу раз поганой, жизни – но я ушел из того дерьма, которым, по моему (и, кстати, по твоему) глубокому убеждению никогда не должен заниматься мужчина. У меня нет повода для гордости – но, по крайней мере, у меня нет и повода опускать перед тобой глаза; я готов признать твою

правоту – и попросить прощения за все те слова, что произнес в запале в тот мартовский день девяносто второго, на аллейке, ведущей к колесу обозрения.

Ведь я по-прежнему люблю тебя, моя маленькая Герди!

Ладно, пора собираться. Здешние завсегдагаи с немалым любопытством посматривают в сторону здорового молодого мужика, вот уже два месяца с завидным постоянством валяющегося на пляже и ни черта не делающего – когда в мире происходит столько всего захватывающего! Дефолты, смены кабинетов, финансовые катастрофы, взлеты и падения курсов валют – неужели мне это не интересно?

Не интересно. Когда-то давно, в прошлой жизни, я не отходил бы от телевизора – а сегодня для меня вся эта шумиха не имеет никакого значения. Тяжко больной Ельцин, назначающий и смещающий министров, министры, клятвенно обещающие народу избавление от финансового краха в обозримой перспективе, народ, яростно штурмовавший обменники и все равно оставшийся с носом – потому что тогда для чего всю эту музыку было заводить? – и продолжающий верить изолгавшимся политикам... Боже, как все это утомительно!

Моя маленькая, солнечная Герди! Как я хочу увидеть тебя – хоть на мгновение!

Кажется, ничего не забыл; покрывало, книжка, бутылка минералки – наполовину опорожненная, но все равно, из крестьянской скупости уложенная в пакет – вроде все.

Не торопясь (а куда торопиться?) он пошел к мосту. Вот и еще один день прошел... Безвременье – теперь он хорошо понимал, что это такое. Это тогда, когда о тебе уже никто не помнит; еще немного – и ты сам забудешь о себе...

Он думал, что о нем все позабыли.

Он ошибался.

* * *

– Где он сейчас?

– Есть такой город под Минском – Борисов; Тетрис докладывает, что Одиссей снимает квартиру недалеко от вокзала, ходит в магазин, на пляж, гуляет по городу – в общем, за те четыре дня, что Тетрис его наблюдал – никакой активной деятельности.

– Наш парень впал в депрессию?

– Не похоже; скорее, он просто не знает, что ему делать дальше.

– Ты по-прежнему думаешь, что на этого парня можно делать ставки?

– Не думаю – знаю. К тому же сейчас, когда на юге начинается сабантуй, специалист по пограничным вопросам нам очень и очень может пригодиться. Вы же знаете, что сейчас происходит на Балканах...

– Ну-ну. Як той казав – побачимо...

В Москве в этот день было уже изрядно холодно – еще только середина сентября, а знобило не шутейно; термометр у касс стадиона показывал едва десять градусов тепла. Двое мужчин, медленно прогуливавшихся по аллеям небольшого сквера у стадиона «Динамо», ничем не выделялись среди редких прохожих – темные плащи, сосредоточенно-серьезное выражение лиц, неторопливый разговор; по внешнему виду – два коммерсанта средней руки, обсуждающие свои дела.

Но коммерсантами они не были. Один из собеседников, повыше, попредставительней – был генерал-лейтенантом Калюжным, начальником Управления Н; его собеседником был сотрудник того же управления подполковник Левченко. И разговор у них шел совсем не о коммерческих делах – впрочем, случайный прохожий, даже если бы очень захотел, и наполовину бы не понял, о чем говорят эти двое.

Генерал замолчал и задумался. Минут через пять, обернувшись к своему собеседнику, он спросил:

– Ну, так что вы там придумали? Только давай без предисловий!

– Исходя из какого сценария?

– Худшего.

– Если война начнется...

Генерал его зло перебил:

– Не «если», а «когда»! Я же сказал – худший вариант!

– Когда вся эта буза начнется, вариантов противодействия у нас будет немного. Вернее – только три.

– Какие?

– Крошить их будут либо с запада, либо с северо-запада. С «сапога» или с родины пива и сосисок.

– Ну, положим, это еще не факт; в конце концов, два-три авианосца легко заменяют базы и на «сапоге», и в Баварии.

– Заменяют – оперативно; авианосцы использовать, скорее всего, будут, но объективно действия с наземных баз – много дешевле. В разы. К тому же на первом этапе им нужно будет по максимуму запутать систему ПВО – а сделать это лучше всего с помощью комбинированных ударов с моря и с суши.

– Хорошо. Дальше.

– Как я уже говорил, исходя из этих предположений, мы планируем действия по трём направлениям. Самолёты эти ребята будут использовать в основном в качестве носителей управляемого оружия, по максимуму исключив заход в юговскую зону ПВО, а основную тяжесть боевой нагрузки понесут на себе крылатые ракеты. Посему мы готовим свой вариант противодействия. Люди наши уже работают над предварительными планами, так что если что – можем начать с ходу. Планируем – во-первых, радиоэлектронное подавление системы связи и ориентации; во-вторых, искусственный сбой системы наведения ракет; наконец, физический контакт...

Генерал, внимательно выслушавший речь своего собеседника, качнул головой.

– Хорошо, положим, с системой наведения ракет – вернее, с её сбоем – мне ситуация более-менее ясна. Крылатые ракеты, которые будут запускаться по своей программе, мы, поставившись, с курса собьем, дело несложное, опыт уже есть. Те ракеты, что наводятся по лазерному лучу... ладно, тоже есть варианты – но менее действенные. Тут сами юги должны подсушиться – вовремя ловить наводчиков, без них эти ракеты как слепые котята, использование беспилоток для этой музыки пока из стадии разработки не вышло. Подавить систему связи... Хм... Маловероятно. Даже если один раз удастся – второй хрен. Там тоже не дураки – сменят частоты, еще что-нибудь придумают. Хотя... Разок-другой, конечно, можно подпустить им блох за воротник, но это так, баловство... Да и уши будут видны за версту. Впрочем, если ребята Румянцева постараются перекрыть все рабочие частоты, и у их железак хватит мощности... Идея, в целом, достойная воплощения. А что ты там говорил о физическом контакте?

– Ставим двух стрелков у каждой базы – вряд ли их будет больше шести-семи – и валим их аэропланы на взлете; выбираем пожирнее, чтобы не зря подвергать риску стрелков. Пару дюжин людей в нашем распоряжении будет по-любому. Если срежем хотя бы десяток машин, бомберов или разведчиков, из тех, что подороже – операцию можно будет считать блестяще удавшейся.

– «Иглой»?

– Не обязательно. Взлетать они будут у себя дома, помехи тепловые выпускать сразу после взлета не станут – здесь и второй «стрель» за глаза.

Генерал одобрительно покачал головой.

– Это дело. Мне такие варианты больше по сердцу, чем верньеры крутить. Железо как обычно?

– Да, близнецы. Думаем, дубли тех, что в свое время были поставлены в восточногерманскую армию. Или чешскую. У меня есть в запасе полсотни таких железок.

Генерал удовлетворённо кивнул, затем спросил:

– Стрелки чьи?

– Младича. Это основной вариант. И Хлебовского – резервный.

– Предварительно обговаривали?

– Только с югами. Через Таманца держим контакт с полковником Митровичем, у него на связи есть двенадцать человек в Италии и Германии; по его словам, стрелки чистые, ни за кем ничего. У Чеслава тоже есть десяток пацанов, но это – на крайний случай.

– Ну, положим, стрелки будут югов. Хорошо... хотя, откровенно говоря, не очень-то я в это верю. Может быть, имеет смысл отсюда отправить трех-четырёх туристов – полазить по Колизею, пивка в «Бюргерброе» выпить? Но предположим, будут стрелять те. – Генерал помолчал несколько минут, вздохнул озабоченно, затем спросил: – Доставка железа чья? Как я понимаю, самое тонкое место?

Подполковник кивнул головой.

– Так точно. Пока не разработали. Есть варианты, но сырые.

– Какие?

– Через Артаксеркса – вариант «Юг»; через Одиссея – вариант «Запад»; резервный вариант – «Север», через Ван Дейка. Но это очень долго, и народ там сомнительный – во всяком случае, ничего такого до сих пор мы от них не требовали. Одиссей – самый быстрый вариант, и в целом – самый достоверно надежный.

– Вот почему ты Одиссея пасёшь... Понятно. Гут, тут он нам действительно позарез нужен. Ладно, держи его в поле зрения.

– Держу. – Улыбнулся Левченко.

Генерал строго взглянул на своего собеседника.

– В какой стадии разработки всех этих планов?

– Пока – в чисто теоретической. Вы же предупреждали...

Подполковник замолчал. Несколько минут они прошли в тишине – сквер, несмотря на близость станции метро и стадиона, был на удивление тихим местом. Слышно было, как на дорожках, ведущих к одному из корпусов Военно-воздушной академии, шуршали своими метлами дворники, а в кустах дружно копошились стайки воробьёв, время от времени пугливо взлетая врзлёт.

Генерал остановился, достал пачку сигарет, закурил. Затем, с удовольствием затянувшись, сказал задумчиво:

– Понимаешь, Дмитрий Евгеньевич, как важно именно в этой операции сохранить секретность?

– Так точно, понимаю.

Калюжный покачал головой.

– Боюсь, не совсем. Что твориться в стране – не мне тебе объяснять. – Генерал досадливо поморщился. – Эти суки вообще с катушек слямзились; Кириенки-хириенки, Чубайсы и прочие – им ведь наша страна так, место на карте. Эта рокировка, что сейчас происходит наверху – так, туман для электората, глаза людшкам замыливают. Сменили «киндер-сюрприза» на старого еврея – на самом деле, ни черта там не поменялось. Если хоть одна тварь там, наверху, узнает, что мы готовим их любезным хозяевам – с говном сожрут и не поморщатся. Ладно, меня вышибут – страху большого нет, пенсию я по-любому получу, не здесь, так на ридной Украине. Буду первый политэмигрант из генералов разведки. Не во мне дело – Управление наше задушат не глядя, вот в чем опасность! И окажется – зря во времена оны Юрий Владимирович нашу лавочку строил, зря немерянные государственные миллионы – в валюте, заметь! – в наше дело ухнул. Этим, нонешним, никакого дела нет ни до нашей сети, ни до наших возможностей.

Но и просто пережить, бумажки перекладывая, на все обращения наших агентов закрывая глаза – не тоже нам, русским офицерам. Бесчестно это, подло. Так что надо нам эту операцию разрабатывать, так скажем, в частном порядке, не тревожа верхних наших верховодов – пусть их забавляются сменами правительств и дефолтами-шмефолтами. Ясно излагаю?

– Да куда уж ясней!

– Ну, вот и я об этом. Все должно быть понятно каждому. Сколько людей знают о наших с тобой, Дмитрий Евгеньевич, частных прожектах?

– Кроме нас с вами – еще трое. Подполковник Крапивин – он держит на связи югов, с полковником Митровичем вопросы решает; у него – вариант физического контакта, у него же связь с Таманцем. Подполковник Румянцев – подготовка и доставка всякой радиоэлектронной музыки; за ним – помехи и сбои систем наведения. В части, его касающееся – майор Маслов – ну, вы в курсе. Минимум, конечно, но о том, что мы офицеров всё чаще на Балканы командидуем – он знает; в конце концов, командировочные официальные мы теперь вынуждены через его канцелярию проводить. Конечно, большинство командировок мы стараемся проводить втёмную, но тех офицеров, что из войск откомандированы – отправляем открыто; вы в курсе.

– В курсе. – Генерал снова досадливо поморщился. – Эх, нужно было тогда, в девяносто третьем, своего человека на финансы ставить!

– Товарищ генерал, да как это было бы возможно? Вы же помните, что тогда в Генштабе творилось? Ведь это тогда они нас впервые по-настоящему и обнаружили! Если бы мы не кинули им эту кость – их человека на финансы – они бы нас еще пять лет назад развалили, с песнями и плясками! И то еще хорошо отделались, что передали ему только здешние финансы...

Генерал затаился, покачал головой.

– Не верю я этому замполиту ни на грош, вот в чем беда. С большинством наших офицеров мне довелось лично хлебнуть дерьмеца большой ложкой; о тех, с кем не успел – имею исчерпывающие рекомендации. А этот... – И генерал досадливо сплюнул.

– Мы постараемся минимизировать участие майора Маслова – насколько это возможно. Легенда у нас уже готова – если что, грушники нам ее обеспечат; втёмную, как обычно. В конце концов, не такие уж там большие деньги! В прошлом году почти миллион ушатали на Словакию – хоть бы кто-нибудь почесался. Маслов этот, правда, все бегал, все своими шкодливymi глазками стриг – но пакостей явных от него не было.

– Не было... Эта словацкая история мне до сих пор до конца не ясна. Слишком уж гладко у тех ребят все прошло, как по нотам. Или они нашу партитуру почитывали? Не знаешь? Вот и я не знаю... ладно, замаяли. Какой вариант считаешь наилучшим? Относительно доставки железа?

– Одиссея, безусловно. Ту операцию... Ну, помните, с «премиксами», – тут подполковник тонко улыбнулся. – Он провел очень красиво. Знал бы парень, что вез через границу!

– А ведь заметь, даже не спросил. Получил «спасибо», взял ту тысячу, что ему Маслов выписал – и через левое плечо кругом. Чем он потом промышлял, прежде чем лег в свою берлогу?

– А черт его знает! Мы его законсервировали, до лучших времен. Вы же знаете, большинство агентуры сейчас у нас в таком состоянии...

– Знаю. Не сыпь мне соль на раны... А почему думаешь, что справиться?

– Ушлый. Знающий. Ломаный. Не боится ни черта.

– А вот это плохо, что не боится. Я ведь не против, чтоб боялись – я и сам боюсь. Вот чтоб боялся, а дело сделал – вот это да, вот такие нам подходят!

Левченко твердо взглянул в глаза собеседнику.

– Этот – сделает.

– Ну-ну. Слепый казав – побачимо.

Генерал смачно затынулся, остановился, огляделся вокруг.

– Знаешь, Левченко, чуёт мое сердце – очень скоро что-то в нашем Отечестве произойдет непременно. Шалман этот продержится самое больше год-полтора, это ты мне на слово поверь. Потом все равно другие люди в Кремль въедут – уж не знаю, законным порядком, или на танках – но только лавочка нынешняя закроется. Но ждать, пока что-то изменится – мне лично запахло, откровенно тебе говорю. Надо что-то делать! Вон, народец шумит у Думы, флагами машет. Нет у людей ни возможностей, ни сил что-то изменить – а смотри ж ты, бузят; стало быть, желание еще не пропало за Россию постоять. А у нас и возможности, и средства, и силы есть – так что ж, будем сидеть, как крысы?

– Никак нет. Сидеть не приучены. А и рыпаться стоило бы поосторожней, без лишней помпы.

Генерал чуть улыбнулся, махнул рукой.

– Ну, ты еще меня конспирации поучи. Знаешь, как я из Южного-то Йемена уходил? Когда тамошние верховоды меж собой резню учудили и страну свою прохлопали?

– Ворожейкин что-то рассказывал...

– Ворожейкин меня принял на борт сторожевика уже в Массауа, как говорится, на том берегу. Самого интересного он не видел. А бёг я, друг любезный Дмитрий Евгеньевич, в парандже и хиджабе, как самая что ни на есть правоверная мусульманка. И бёг я одиннадцать дён, ровнехонько. Адъютант мой, из местных, Хаджеф, изображал из себя брата, везущего сестренку в жены шейху на север; мое дело было – молчать в тряпочку и изо всех сил сестренкой этой всем встречным-поперечным казаться. Как ты думаешь, что бы было, если бы хоть один из них подозрение выказал?

– Думаю, сегодняшнюю нашу операцию планировал бы другой генерал.

– Вот-вот. А мои бы косточки белели бы сейчас в знойной Аравии. А раз не белеют – стало быть, в конспирации я чуток понимаю.

Ты мне вот что скажи. Одиссея – если мы изберем этот вариант – как будем использовать? «Стрела-два» на водопроводные трубы что-то не больно похожа...

– Втемную – не будем. Но и всей правды не расскажем. Только в части, его касающейся. Но врать не станем. И о последствиях – которые, в случае провала, могут для него наступить – проинформируем.

– Это верно. Это правильно. Ежели человек идет на особо тяжкое – считай, на пожизненное – значит, должен знать, за что он муку эту, буде выпадет ему херовая карта, будет испытывать. Так ему и скажи – дескать, дружище, не неволим, но если решишь помочь братьям нашим единокровным – знай, что срок тебе за эти железяки добрые прокуроры отвесят по полной. И Родины ты своей ты уже никогда не увидишь.

– Зачем же так трагически? Вы же знаете, мы своих не бросаем...

– Знаю. Но только тогда проникнется он этим делом до самых печенок, до упора. И действовать будет так, как на войне – без допусков. Мы, конечно, его вытащим, но пушай он действует так, как если бы был один-одинешенек на всем белом свете, а против него – весь мир бы ополчился. – Генерал взглянул на часы, досадливо поморщился: – Ладно, заболтался я с тобой – дела стоят. Пойдем потихоньку в контору; а через недельку ты мне подробный расклад – что, как, зачем и почему – предоставь. И к началу ноября будь готов двигать на запад, повидаться с нашим бродягой. Это ведь ты его привлек?

– Я. В восемьдесят шестом. Когда он еще только службу начинал зеленым новобранцем...

– Стало быть, крестничек твой. Ну, тебе за него и отвечать, в случае чего. Добре, почали.

И парочка «коммерсантов» бодрым шагом направилась по Нарышкинской алее к перекрестку Верхней Масловки и Старо-Петровско-Разумовского проезда, где в глубине небольшого сада, обнесенного невысокой, но довольно внушительной оградой из стилизованных под

девятнадцатый век литых чугунных переплетений, стоял двухэтажный особняк, родной уголок типичного купца средней руки года эдак одна тысяча девятьсот второго.

Для всякого рода любопытных на одной из тщательно оштукатуренных и побеленных кирпичных колонн, стилизованных под девятнадцатый век, обрамлявших такую же стильную, в тон ограде, чугунного литья калитку – висела табличка, извещавшая, что и двухэтажный особнячок, и дворик в обрамлении эстетской ограды – принадлежат ЗАО «Спецметаллснабэкспорт». И ниже – убедительнейшая просьба (уже не выгравированная на плите из нержавеющей стали, как официальная шильда, а просто отогнанная на принтере и заламинированная) всякого рода коммивояжерам с предложениями чая, канцелярских товаров и прочей ерунды – занятых спецметаллснабэкспортеров ни в коем случае не тревожить. А пренебрегшие столь убедительной просьбой будут охраной вытолканы взащей – о чём также писалось в запрети-тельном листочке (правда, в более парламентских выражениях).

Контора как контора, каких в Москве – пруд пруди; не шибко шикарная, но и не бедствующая – сразу видно, что в российских специальных металлах за границей нужда пока еще есть. Вот только обычный для нынешних времен секьюрити на входе чуть более, чем обычно, был подтянут и жилист, а второй, гуляющий во дворе – отчего-то вовсе не был склонен время от времени «сгонять за пивком». И левые полы пиджаков у этих охранников топорщились чуть более убедительно, чем у их многочисленных московских коллег. Да и натужливо-суетливого коловращения менеджеров с папками, секретарш с подносами и кофейными чашками, курьеров в заливчатски повязанных банданах – опять же, в шести нижних окнах фирмы (верхние круглый год были закрыты металлическими роллетами) что-то не наблюдалось.

Несколько машин, припаркованных у тротуара напротив здания этого самого «Спецметаллснабэкспорта», опять же, ничем особо не выделялись – парочка недешёвых иномарок («вольво» и «мерседес»), три-четыре «девятки», пара добитых «пятёрок», одинокая «ока» – всё, как у всех. Ничего бросающегося в глаза и необычного – вот только приезжали ежедневно на этих машинах на службу сухощавые подтянутые мужчины с навечно вогнанной в позвоночник строевой выправкой и внимательными сторожкими глазами – которых за обычных сейл-менеджеров принял бы уж совсем ненаблюдательный человек.

Одним словом, человек, вздумавший бы недельку-другую понаблюдать за жизнью спецметаллснабэкспортеров – сделал бы вывод, что контора как-то уж слишком непохоже на обычную торговую лавочку тиха и вдумчиво-серьезна. Впрочем, напротив «Спецметаллснабэкспорта» была глухая стена склада завода железобетонных изделий – посему подолгу наблюдать за деятельностью этой фирмы было некому.

Оказавшийся же внутри фирмы (исключительно чудесным образом; никаким иным способом с улицы в этот странный «Спецметаллснабэкспорт» чужаку попасть было бы невозможно) человек застыл бы в полном непонимании. И было от чего!

Интерьер фирмы был так же далек от делового стиля, как потрепанный камуфляж пограничника с Пянджа от костюма преуспевающего банкира с Камергерского переулка. Внутри «Спецметаллснабэкспорт» ничем не походил торговую контору. Стальные двери с кодовыми замками, отделанные дубовыми планками, чем-то неуловимо напоминающие крышки гробов для очень высокопоставленных покойников; на полу – зеленая ковровая дорожка, какие бывали в ходу в начале пятидесятых; гробовая тишина в коридоре – и странное мелкое подрагивание пола, какой-то едва уловимый глухой гул, чем-то напоминающий «песню» майских жуков; изредка появляющиеся сотрудники – молчаливо сосредоточенные, деловито собранные; охранник (на этот раз – в форме, причем в офицерских чинах) – у входа на лестницу на второй этаж. В общем, на торговую фирму это совершенно не походило; если «Спецметаллснабэкспорт» и напоминал какое-то учреждение – то мысль о его коммерческом характере пришла бы в голову случайному экскурсанту в самую последнюю очередь. А в первую – услужливое

подсознание тут же родило бы образ, столь знакомый с юности: коридоры рейхсканцелярии и идущий по ним штандартенфюрер Штирлиц...

Подсознание чудом проникшего в это здание прохожего нисколько бы его не обмануло.

Двухэтажный особняк на Старо-Петровско-Разумовском проезде – был вершиной того айсберга, что в начале восьмидесят третьего года получил наименование «Управление Н», и в описываемое время нес свою службу по обеспечению интересов России в тех местах и теми методами, которые были недоступны ни ФСБ, ни СВР, ни прочим официальным (и оттого стесненным в своих действиях) специальным службам.

Любимое дитя Юрия Владимировича, рожденное им в краткую бытность главой идущей к своему концу державы – Управление пережило и своего отца-основателя, и крушение империи, и посттравматический шок, последовавший вслед за беловежскими событиями, и все остальные беды и горести, что обрушились на просторы одной шестой части суши в последующие годы. Сжав зубы, затаившись – но пережило, продолжая делать свое дело; благо, гений Последнего Царствующего Чекиста обеспечил ему финансовую и организационную независимость от каких бы то ни было влияний извне. Крючков еще знал о его существовании – Бакатина же уже никто не посчитал нужным ввести в курс дела; дальнейшие фигуранты, сменявшие друг друга в креслах руководителей специальных контор – уже просто ничего не знали о деятельности Управления. В девяносто третьем году, во время октябрьского мятежа, некоторые сведения о существовании этого учреждения все же стали известны окружению Верховного либерал-реформатора – но лишь фрагментарные и недостоверные; руководству Управления Н пришлось принять в свой штат человека из финансового управления министерства обороны, который присматривал бы за расходом средств – по счастью, те, со стороны, решили, что Управление – это всего лишь информационный центр для поддержания связи с законсервированной агентурой в бывших странах «народной демократии», и их пыл слегка поостыл. Генерал Калюжный своих вновь объявившихся кураторов в этом, похоже, достаточно глубоко в ноябре девяносто третьего убедил – во всяком случае, большую (и главную) часть деятельности Управления Н тогда в очередной раз удалось надежно скрыть от «своих» – которых, в отличие от чужих, было страшно трудно отвадить от излишнего любопытства.

Генерал и его сотрудник вошли в калитку, предварительно приложив к почти незаметному окошку слева от входа идентификационные карточки, схожие с кредитками. Незамедлительно возникшему у дорожки наружному охраннику они предъявили уже свои служебные удостоверения (хотя резвый секьюрити знал их в лицо и видел, наверное, уже тысячу раз), а, оказавшись в тамбуре перед главным входом – по очереди приложили большие пальцы правой руки к недреманному зеленоватому глазу считывающего устройства, закамуфлированному под глазок видеокамеры наружного наблюдения.

– Сиди, сиди. – генерал пресек попытку внутреннего охранника вытянуться в струнку, и, обернувшись к Левченко, взглянув на часы, приказал, – Давай-ка через десять минут ко мне. Послушаешь одного человечка – тебе будет полезно. Да и мне – давно его не видел, буду рад послушать. Хотя... – на мгновение по лицу генерала пробежала легкая тень. – Впрочем, не важно. Жду!

– Есть.

Через десять минут подполковник поднялся на второй этаж, в кабинет генерала.

– Разрешите, Максим Владимирович?

– Давай, заходи.

В кабинете генерала, с окнами, выходящими на сторону, противоположную улице, и по этой причине не закрытыми наглухо стальными роллетами, кроме хозяина, сидевшего не в своем «штатном» кресле во главе скромного, но довольно внушительного по размерам стола из карельской березы, а на стуле у приставного столика – Левченко обнаружил пожилого, сразу видно – тертого жизнью, седого и изрядно потрепанного мужика. Не мужчину, тем более – не

господина – а именно мужика, каких еще немного осталось в забытых Богом и людьми деревнях Нечерноземья. Тот сидел напротив генерала и никакого трепета перед Большим Начальником внешне не выказывал – наоборот, было такое впечатление, что это именно он, а не Калюжный, и был настоящим хозяином этого кабинета.

Хозяин кабинета кивнул подполковнику, указывая на гостя:

– Знакомся, Дмитрий Евгеньевич, это – Виктор Арсений Николаевич; во всяком случае, он хочет сегодня быть именно им. – Генерал пошутил, но как-то осторожно, совсем не по-начальнически.

Гость несколько секунд внимательно рассматривал посетителя, а затем, по-американски, одними губами, улыбнувшись – бросил суховатым надтреснутым баритоном:

– Ну, здорово, подполковник. Садись, в ногах правды нет. – Мужик все больше и больше удивлял (и настораживал, не без этого) Левченко. Как-то уж больно вольготно он вел себя в кабинете генерала, начальника службы, способной устроить любому близлежащему государству совсем не сладкую жизнь. Странно... Если не сказать больше.

Левченко решил держаться официально – щёлкнул каблуками, кивнул, произнёс как можно более сухим голосом:

– Здравствуй, Арсений Николаевич, рад знакомству.

Гость отрицательно покачал головой.

– Ну, насчет радости – ты это погоди; вот побалакаем, тогда будешь решать – радоваться тебе, или, наоборот, огорчаться...

Гость обернулся к генералу, ещё раз – уже сочувственно – покачал головой, вздохнул. И сказал каким-то снисходительно-соболезнующим тоном:

– Течёшь, Калюжный.

В кабинете мгновенно повисла тяжелая тишина.

Генерал-лейтенант достал пачку сигарет, закурил. Выпустил вверх кольцо дыма, полюбовался, как оно расходится. Потом посмотрел на визитера.

– Как сильно?

– Пока не знаю; но о вас в курсе ТАМ. – Последнее слово гость произнес с нажимом, давая понять все его опасное звучание.

– БНД? – Генерал вопросительно посмотрел на «Арсения Николаевича».

– Она, родимая. Ведомство федерального канцлера.

– Источник надежный?

– Да уж куда надежнее! Девочка одна там службу несет, в отделе по работе с бывшим Союзом. Уменьшая девочка, юркая. Как на меня вышла – ума не приложу! Впрочем, обо мне – это отдельная песня; в конце концов, давно живу, богато бачив – могли и меня где-нибудь в чужих дальних краях с легкостью срисовать; не зря ж с оперативной отозвали. Да это и не важно – в конце концов, моя должность такая, что их юрисдикции я в любом случае не подлежу.

– И что сказала... девочка?

– Для начала девочка обозначила предел своей компетентности – рассказав старому лове-ласу про кое-какие его прискорбные дела в далёких азиатских краях. Скажу сразу – девочка оказалась компетентной, а главное – убедила своего визави – меня, то бишь – в том, что работает именно там, где намекнула. А затем сообщила своему собеседнику – так, между прочим, за бокалом мартини – что начальник их отдела получил ориентировку – есть, дескать, в Москве лавочка, занимается агентурой в стане бывших вассалов, и ближним зарубежьем не брезгует. Причем в число официальных служб никак не вписана. В общем, ту часть, что вы посчитали возможным огласить для узкого круга ограниченных лиц – они тоже услышали. Думайте, пинкертон!

– А девочка эта... Часом, не засланный казачок? – в глазах генерала блеснул охотничий огонек азарта.

– Не думаю. Девочка, кстати, молодец, свой слив обставила профессионально до третьего знака после запятой. Поделилась своими девичьими секретами со стареющим дон жуаном в ночном клубе; дело житейское! Показался ей этот конкретный дон жуан достойным доверия – вот она и намекнула ему, что надо дон жуану поостеречься тереться по вроцлавским ночным клубам, ежели он русский шпион из вышеуказанной лавочки. Дескать, лавочка эта шпионская де-юре – хлам, и грозят прекрасному, хотя уже и пожилому, жемсу бонду оч-ч-чень большие неприятности. Хотя даю сто монгольских тугриков против восточногерманского пфеннига – знала прекрасно, что статус у меня вполне даже дипломатический, и максимум, что мне грозит от некогда дружественного польского государства – высылка в двадцать четыре часа.

– А что еще сказала девочка?

– Любопытство – в нашем деле порок; все, что касается вашего богоспасаемого заведения, я изложил; думайте. Касательно остального – увы, не имею права. Хоть ты мне, Максим, и друг старинный, и из-под огня в Квито когда-то выволоч – а извини. Знаешь нашу ключевую формулировку?

– «В части, его касающейся». А как же! Сам использую постоянно.

– Ну вот, и прошерсти своих жемсов бондов – кто из них мог слить информацию в части, его касаемой. И почему враг наш о вашей лавочке все узнал... – и в ответ на вот-вот готовые слететь с уст генерала возмущенные слова, добавил: – Ладно-ладно, не всё, но что-то все же ухватил. А для них и этой малости достаточно, чтобы начать промывку породы! Тем более – агентуры у них здесь сейчас завалились, коллеги ваши из контрразведки не успевают папки для дел покупать. Такое, знаешь, сложилось у меня, Калюжный, впечатление, что предать Родину теперь уже не то, чтобы преступлением – уже и скверным поступком в неких кругах не считается. Мерзко... – И загадочный визитер брезгливо поморщился.

– А ты, подполковник, что по этому поводу думаешь? – Спросил затем он у Левченко.

– То, что течём – дело поганое; то, что течём в той части, что известна наверху – чуть полегче.

– Отчего ж?

– Проще гниду вычислить.

– Ну-ну. А не думал ты, любезный друг, что слить мог и тот, кто в делах фирмы по самые уши? Слил маленькую частичку, чтобы хозяева продолжали хрусты отслюнивать?

– Не исключен и такой вариант. Но все же он менее вероятен.

– То, что в ближних товарищах уверен – это хорошо. Я и сам тому, кому не до конца верю, спину стараюсь не подставлять. А все ж проверьтесь, дело не лишнее.

Ну ладно, орлы, потопаю я потихоньку. Бывайте здоровы, живите богато. Тем более – вам ли не жить? Со всей Европы сливки снимаете, чистые паны!

– Ладно, ладно. Зависть – плохое чувство. – Генерал впервые за разговор открыто улыбнулся.

– А я завидую? Я сочувствую! Знали бы эти суки, что сейчас за очередные копейки от МВФ друг другу глотки режут, как вы устроились – задушили бы в мгновение ока!

– Руки коротки. Да и не до нас им сейчас – еле-еле из дефолта выползают. Они-то, конечно, не пострадали, наоборот, как тут мне докладывают, лишних три миллиардика отогнали в Бэнк оф Нью-Йорк за последний месяц – но ведь перед людьмишками надо скорбные рожи строить. Иначе не поймут...

Генерал пожал руку визитеру, затем попрощался с незнакомцем и Левченко. Рука у того оказалась крепкой, но все ж совсем не крестьянской – скорее, это были руки пианиста или скрипача, с тонкими, нервными пальцами; но рукопожатие у гостя было сильное, солдатское – Левченко уже примерно понял, кем мог бы быть их визави.

Когда загадочный посетитель был, по расчетам, уже вне здания «Спецметаллснабэкспорта» – Левченко решил все же слегка поинтересоваться незнакомцем.

– Наш человек в Варшаве?

– Что? А-а... нет. – Генерал сидел, задумавшись, и от вопроса подполковника едва заметно вздрогнул. – Нет, дальше чуток. И не наш. Он теперь по другому ведомству проходит, легальный до неприличия. Может с аглицкой королевой менюэт танцевать смело.

– То есть его расшифровали?

– Ну, парень! Если бы расшифровали... Было подозрение, вот и отозвали с оперативной. Он уже лет шесть, наверное, как на абсолютно легальное положение перешел – посему и сидит в своем банке, rispetабельно наживаетея на трудовом западном люде. Светанулсе он в одной южно-азиатской стране всерьез, и недруг, похоже, что-то такое о нем пронюхал – вот и вся недолга... А тепеь ясно, что не зря ушли его с оперативной – по ходу пьесеы, он у тех, что играют за черных, где-то в картотеках все же мелькнул.

– Стало быть, девочка из БНД знала, к кому подходить?

– И при этом страшно рисковала, заметь. Но на риск пошла – значит, понимала, какой важности для нас может быть ее информация. Хм-м... Стало быть, нас малость расшифровали на той стороне. А знаеешь, Левченко, это даже очень и неплохо! Ну, то есть то, что мы чуток светанулись – это херово, понятно. Но то, что мы об этом узнали накануне запланированной нами большой южноевропейской карусели – очень даже ничего. Это ж какой простор для работы службы твоего Ведрича появляется! В общем, повод прочесать кадры перед балканской мазуркой у нас появился... – генерал устало улыбнулся: – Ах, деваха, орден Красного Знамени ей можно вешать – как минимум!

– Сейчас таких нет.

Калюжный махнул рукой.

– Знаю. Ну, крестик этот серебряный, с дурной лигатурой... Орден Мужества. Но тогда – минимум первой степени! – Затем, посерьезнев, спросил: – Ладно, что думаешь делать по этому поводу? Как супостата будешь искать, какие своему Ведричу задачи будешь ставить?

– Ну, процедура известная. Первый тур сыграем по классическим образцам. Одному подозреваемому говорим, что листовки и адская машинка в дворницкой, второму – что в дровяном сарае, третьему – что на кухне. И ждем, куда заявятся жандармы... Да и вообще, может, это утечка из финансового управления министерства обороны?

– Не думаю. Там уверены, что мы организационно, хоть и без оглашения сего факта, в штате СВР... О том, что мы никто и звать нас никак – кроме наших, никто не знает. Насчет заделки утечки... Да, процедура известная. Что ж, подготовь список тех, кому про листовки планируешь сообщить, и варианты... ну, скажем, по переброске партии английских паспортов для палестинцев в Софию. Пойдет?

– Пойдет. Напряжем Артаксеркса и его людей, дело несложное.

– Но чтоб ни одного не засветить! Сумеешь отработать?

– Обижаете, Максим Владимирович. Когда мой отдел портачил?

– Пока – тьфу-тьфу – Господь миловал... Ладно, кликни там Гончарова, пусть разъяснит нам текущее положение. В части, его касающейся...

Подполковник вышел из кабинета начальника и, спустившись на первый этаж, постучал в последний слева по коридору кабинет.

– Кого там черт принес? – раздался из-за двери недовольный голос.

– Серега, давай к генералу. Слышать хотят!

– Добро. Три минуты!

И ровно через три минуты из своей «берлоги», куда он старался не допускать никого из посторонних, вышел подполковник Гончаров – начальник аналитической группы, поджарый, бритый наголо – по моде тридцатых годов – рослый мужик; в аналитики он загремел два года назад, когда случайно переусердствовал в допросе пленного французского летчика в боснийских горах. Пилот «миража» оказался хлипковат и отдал Богу душу – подполковника же Гон-

чарова за сие самоуправство от оперативной деятельности отстранили и загнали за стол, чего он своему начальнику в глубине души так и не простил.

Тщательно закрыв дверь, он спросил деловито:

– Что зовут пред светлы очи?

Левченко развёл руками.

– Мне генерал пока не докладывает. Хочет, чтобы ты разъяснил, а что – обстановку в спальне голландской королевы или структуру финансовых потоков наших нуворишей – сам узнаешь. Пошли, сейчас тебе самому все расскажут.

Они поднялись наверх и вошли к начальнику Управления.

Генерал Калюжный сидел за своим столом, курил – в последнее время ему уже не хватало пачки в день, и его лечащий врач был этим обстоятельством крайне недоволен – и задумчиво смотрел в окно.

Левченко деликатно кашлянул.

– А, явились. Гут, проходите. – Хозяин кабинета был явно расстроен, хотя старался этого не показывать.

– Зачем вызывали, товарищ генерал? – Гончаров постарался придать своему вопросу максимально возможное безразличие и официальность.

– А вот ты сейчас нам с Левченко и евонным корешам изложишь суть балканских проблем. Так, без бумажки, сможешь, или отпустить на минутку за шпаргалкой? – генерал хитро улыбнулся.

– Шпаргалками не пользуюсь. – Ответ Гончарова был чуть-чуть более резок, чем следовало бы, и генерал это понял.

– Стало быть, зло все еще на меня держишь...

– Никак нет, товарищ генерал, по субординации не имею права!

– Права не имеешь, а все ж держишь... Ну, ясное дело! Там ты был герой, супостата громил, братьям помогал – а тут старый хрен заставляет бумажки перебирать? Так, что ли? – Калюжный пытливо уставился на подполковника.

– Думаю, на оперативной работе я был бы более полезным для дела.

– Хм... Это мы очень скоро увидим. – И, глядя, как оживился Гончаров, генерал добавил: – Очень может быть, уже даже в этом году.

В это время в кабинет вошли еще двое посетителей – в таких же, как у Левченко, неброских костюмах и однотонных галстуках, с незапоминающейся – в отличие от фрондирующего своей бликующей лысиной Гончарова – внешностью. Подполковник Румянцев и подполковник Крапивин, члены той группы, что разрабатывала проект «Обилич».

– Садитесь, господа офицеры, поудобнее. Герр оберст Гончаров доложит вкратце суть текущих событий на балканском перекрестке. – Генерал радушно обвел рукой свой кабинет.

Все расселись. Гончаров встал – он всегда докладывал стоя, хотя генерал в этом деле был либерал, у него в кабинете можно было излагать, и сидя в креслах – и хорошо поставленным голосом начал:

– Реальных игроков у нас тут двое – Германия и Штаты. До последнего времени – точнее, до албанских событий – немцы шли на полкорпуса впереди. Их креатура – хорваты – во-первых, сильнее в военном отношении, крепче духом, организованней всех остальных-прочих югославских народов; одно слово – европейцы. Опять же, накануне краха Югославии в девяносто первом большинство ключевых постов в союзных органах власти занимали хорваты – президент Месич, премьер Маркович, глава МИДа Лончаревич, командующий армией Кадиевич, главком авиации Юрьевиц, глава разведки Мустич. Когда начался распад – немцы признали Хорватию и Словению мгновенно – и тут же начали им поставки оружия со складов бывшей ГДР. То есть где-то до осени девяносто шестого у них были все шансы бывшую Югославию подмять целиком – у них был неубиваемый козырь, полностью ими созданная Хор-

ватия. Но оказались в немецкой позиции и очевидные слабости. После Дейтона хорватам от сербов уже рвать было нечего, они начали свою новоприобретенную самостоятельную родину обу-страивать – и, как военно-политическая сила, превратились в немецких руках из козырных королей в лучшем случае в девятки. Правда, немцы немного поиграли в Боснии за мусульман – но это мелочи; босняки слабы, ненадежны, не имеют боевого духа и в целом для немцев больше едоки, чем боевики – извиняюсь за каламбур.

У американцев шансы крепче. Они на разные политические силы внутри Югославии решили особо не ставить – то есть, конечно, нынешний глава Черногории их парень, и в Бел-граде за них немало людишек играет, но главная их ударная сила все же вовне. И сила эта – шептары, сиречь – албанцы. Они, конечно, тоже не единое целое – южане, тоски, более хри-стианизированы, северяне, геги – исламисты; но если речь идет о наживе – то тут они все одна шайка-лейка. Главное – что они агрессивны, воинственны, многочисленны – и эти их качества американцы отлично поставили себе на службу.

Джордж Тенет, сам, кстати, выходец из Южной Албании, в последние месяцы перед албанскими событиями четырежды приезжал в пределы некогда любезного Отечества. По-видимому, именно он организовал крах албанского государства и последовавшее за ним расхи-щение оружия албанской армии – албанцам Косова нужно было вооружиться. Сразу же после албанских событий Джордж Тенет стал директором ЦРУ, и уже в этом качестве возглавил игру на Балканах. Имейте в виду – в Албании разошлось по рукам что-то около двух миллионов единиц стрелкового оружия и неисчислимо боеприпасов. То есть, начиная с лета девяносто седьмого, УЧК становится в Косово очень и очень серьезной конторой. Добавьте к этому контроль за наркотрафиком из Турции в Европу – и вы поймете, что у этих ребят есть люди, оружие и деньги – то есть все, что нужно, для начала хорошей войны.

В девяносто шестом юги начали суетиться. Поздно и недостаточно активно, но все же... Была уничтожена «семья» Адема Яшари, державшая половину наркотрафика в Германию, полиция и силы спецназначения начали рейды против УЧК – которые со временем переросли в настоящую войну. Но УЧК может себе позволить терять десятков своих боевиков против одного юга в форме – и будет считать, что побеждает. У них за спиной Америка – что утраивает их силы.

Немцы, надо заметить, эту американскую игру пытались перехватить – путем установле-ния контакта с Руговой и премьером правительства Косова в изгнании Букоши – но финт не удался. Немцы решили ставить на умеренных – американцы приняли сторону крайних. Тенет все ж албанец, он отлично знает менталитет соотечественников. И американцы немцев на этом поле сегодня обыгрывают. В ближайшем будущем, я думаю, они полностью возьмут в свои руки управление албанским вектором разрушения Югославии – в том числе и ту его часть, что пока представляет из себя, если так можно выразиться, умеренное крыло. И заставят своих союзников включиться в грядущую войну – если, конечно, юги до того не сложат оружия и не поднимут вверх лапки. Думаю, что не подымут – следовательно, военный поход НАТО за свободу албанцев окончательно задушить сербов в Косово становится неизбежным. План «десять – шестьсот один», принципиальная концепция проведения данной операции, был раз-работан еще летом, а сейчас он уточняется и конкретизируется. Правда, пока быкуют греки, но это недолго – рано или поздно, но их заставят согласиться с использованием их территории.

Гончаров закончил и вопросительно взглянул на начальство.

Калюжный кивнул.

– Хорошо, Сергей Владимирович, спасибо. Можете быть свободным. – И когда подпол-ковник Гончаров вышел, продолжил: – Итак, надеюсь, все ясно? Румянцев, что вы думаете по поводу возможной операции «Обилич»?

Подполковник Румянцев немного помедлил, затем, прокашлявшись, скупо бросил:

– То, что у югов нет шансов – было ясно еще в девяносто первом. Сейчас у тех, что играют за чёрных, на театре боевой авиации где-то триста тридцать единиц; негусто, конечно, но, думаю, они еще накопят силёнок. Опять же, в район впервые посланы сто семнадцатые невидимки, началась переброска бомбардировщиков бэ-пятьдесят вторых с континентальной части Штатов на авиабазу Фэрфорд в Британии. Сейчас идёт переброска стратегических заправщиков типа ка-эс сто тридцать пять и ка-эс десять на испанскую авиабазу Морон. Всего ребята планируют использовать где-то двадцать авиабаз, расположенных в Италии, Германии, Венгрии, Франции, Великобритании, Испании, Боснии и Герцеговине и Македонии. В общем, думаю, операция наша поможет сербам, как мертвому припарки. А вот системы наши в деле проверить, изучить методику противодействия авиационному наступлению – это да, ради этого стоит ввязываться.

– Ну, это понятно. Подполковник Крапивин, как вы считаете, чего мы хотим добиться операцией «Обилич»?

Невысокий подполковник прокашлялся, а затем задумчиво произнёс:

– Ну, помочь югам мы этим, конечно, не поможем, в этом я с Дмитрием Германовичем согласен. Но заставить повздорить немцев и американцев... Обострить отношения внутри НАТО... Поставить под сомнение единство сил Запада... Наконец, нанести психологический удар по общественному мнению... Думаю, это реально.

– Молодца! Левченко, а ты что думаешь? Когда заваруха на Балканах начнётся?

– Войну следует ждать где-то к маю будущего года – может, раньше. Пока подготовятся, пока проведут психологическую подготовку населения, пока наберут фактов геноцида – тоже, между прочим, непростое дело, этот геноцид еще надо организовать и правильно подать! – в общем, осенью они поработают в ООН, зимой развернут силы НАТО, подтянут тылы – ну, а там все, крышка югам. Операцию нашу, если уже планировать – то где-то на апрель, чтоб был временной зазор. Югам мы, конечно, вряд ли поможем, это ясно, но все же косвенно поддержать – поддержим. А главное – объясним европейцам, что не надо им говорить «яволь» на любое американское желание.

– Совершенно верно. Поэтому где-то к февралю, началу марта мы должны иметь в районах развертывания всю необходимую технику и хотя бы половину людей. Подполковник Румянцев, что у вас по этому поводу есть сказать?

– Техника готова. Мы ее еще в девяносто первом опробовали, на дальнем юге – ничего, эффект есть. За эти семь лет мы ее по максимуму улучшили – так что, думаю, сбоев не будет. Всего мой отдел подготовил сорок восемь установок по сбюю системы глобального позиционирования – двойной комплект – и шесть источников электромагнитных импульсов – с разной частотой – тоже хватит за глаза. Доставим как обычно, куда скажете. Предварительно в районы развертывания я хочу выслать своих людей – на месте сориентироваться по зоне действия и по источникам электроснабжения. Управление будем осуществлять из Закарпатья – там у нас уже развернут резервный пункт, в поселке Свалява. Сбой системы ориентирования крылатых ракет мы можем гарантировать в тридцати процентах пусков – больше и сам Господь Бог не сделает – и подавление связи с авиацией в пятнадцати процентах вылетов – если их будет не более ста в день – в первые три дня. В последующем процент упадет – они найдут противоядие. У меня все.

– То есть какое-то количество ракет уйдет с траектории и сможет захерачить по своим? – Генерал оживился.

– Ну, это вряд ли. У них для этого система самоликвидации предусмотрена. Но попадание по странам-соседям допускаю более чем.

– Хорошо. Готовьте отправку. Кто из людей поедет отдыхать в Карпаты?

– Капитан Федоров и капитан Панфилов.

– А прошерстить мягкое подбрюшье Европы?

– Подготовлю шесть офицеров из резерва. Есть у меня там толковые ребята, языкам обучены, подготовлены.

– К пятнадцатому октября у вас все будет готово? В части оперативного плана?

– Будет раньше.

– Раньше – не надо. К пятнадцатому мы определим позиционные районы, исходя из радиуса действия машинок и наших возможностей. Италия, Австрия?

– Италия. Австрия. Германия. Хорватия. Словения. Македония. Болгария. Греция. Может быть, даже Чехия.

– Гут, подготовим. Что у вас, Крапивин, с Митровичем?

Подполковник Крапивин, недовольно поморщившись, встал и уныло доложил:

– Паникует. У них там, в Белграде, полный раздрай. Одни хотят ложиться под американцев без войны, другие готовы биться до последнего; большинство же населения пассивно выжидает, надеясь неизвестно на что. Митрович еще из лучших...

– Реально он сможет обеспечить стрелков?

– Это – да. С тремя его ребятами я сам говорил, когда ездил в Мюнхен... туристом. Пять человек, еще с боснийской войны, на связи у Таманца. Да, будете смеяться – у меня сейчас в активной разработке – у Горца на связи – есть двое евреев из Израиля, только службу в ЦАХАЛе закончили – тоже готовы впрячься.

– А им-то что за интерес? – удивление генерала было нешуточным.

– А черт их знает. Но Горец ручается за них, как за себя.

– Стрелки должны быть в позиционном районе в срок плюс пять от момента начала войны. Когда думаете начать процесс?

– В первых числах января начну потихоньку дергать по одному.

– Авиационных баз, с которых югов будут разделять на фрикасе, у нас под наблюдением двенадцать из двадцати возможных; действовать боевой авиацией они будут с шести, максимум – с семи. Значит, от нас требуется два стрелка основных, плюс два запасных. Итого двадцать четыре человека минимум, двадцать восемь – максимум. Двенадцать-четырнадцать труб. Хм... перебор. Ограничимся, пожалуй, четырьмя базами. Шестнадцать штыков у тебя будет, Крапивин?

– Будет.

– Тогда подготовь план их развертывания. Тоже – чтоб к пятнадцатому октября и план был готов, и народ оповещен. Гут?

– Яволь!

– Ну, теперь ты, Левченко. Но с тобой мы поговорим интимно, тет-а-тет. Товарищам офицерам предлагаю считать себя свободными. Работайте, коллеги!

Когда Крапивин и Румянцев покинули кабинет генерала, Калюжный задумчиво проговорил:

– Так ты думаешь, течёт где-то сверху?

– Нет, не думаю.

– Ясно. За честь мундира решил перед заезжим варягом постоять... Дело хорошее; но для этого случая немного лишнее. Гут, давай-ка ты мне подготовь практически капканчик на мелкого зверя – числу эдак к пятому – а потом проведи операцию «Чистые руки», такую, знаешь, локальную, можно сказать – камерную. А затем собирайся, голуба, в ближнее зарубежье.

– Навестить Одиссея?

– Его, родимого. Чует мое сердце, пришло время Одиссею покинуть Итаку... Тем паче – с Пенелопой он своей в контрах навсегда? Так, кажется, Тетрис докладывал?

– Так точно. В разводе. И наглухо.

– Ну, вот и славно; то есть ничего хорошего в разводе, конечно, нет, но, случись что с твоим крестничком – плакать по нему на одного человека народу будет меньше. Ладно, ступай, готовь пакость для внутреннего врага.

– Есть!

Левченко вышел из кабинета генерала и направился к себе. Что ж, с протечкой надо бороться незамедлительно и всеми силами – но что-то подсказывало подполковнику, что выявление инсайдера, как сейчас стало модно называть подобного «крота», будет не столь легким, как кажется, и вряд ли с помощью старой, как мир, технологии им удастся вывести предателя на чистую воду. Главное – подозреваемый уж как то слишком явно был в наличии, и только большого картонного листа с надписью «Предатель» у него на спине не хватало для полноты картины. Уж чересчур ясно все указывало на майора Маслова – тот был чужак, никто из офицеров Управления его не знал, и любое подозрение почти автоматически ложилось бы на него. А не для того ли его сюда и поставили, чтобы он какое-то время послужил громоотводом? – вдруг подумал Левченко. Уж слишком явная фигура для обвинения... Нет, тут что-то поглубже и пострашней. Что-то серьезно подгнило в Датском королевстве...

* * *

В первый день рано заждившего в этом году октября в шумной забегаловке «Патио-Пицца», стоящей в ста метрах от выхода из метро «Октябрьское поле», за столиком в курящей части зала, сидело двое мужчин.

Один из них, благообразный и явно не здешний, одетый дорого, но неброско, представлял из себя ходячий символ успешности – и «паркер», который он вертел в пальцах во время разговора, и шелковый носовой платок, которым он время от времени протирал свои очки в золотой оправе, и изящные итальянские полуботинки, и отличные, неестественно белые и оттого явно искусственные зубы – не хуже, чем у звезд Голливуда – все это говорило знающему человеку очень и очень много.

Его визави, напротив, представлял из себя законченный тип неудачника – скверно пошитый костюм из дешевой ткани, ботинки, рубашка и галстук производства Юго-Восточной Азии, желтые и уже довольно редкие зубы, неряшливый зачес плохо мытых волос, уже неспособных прикрыть изрядную плешь – в общем, классический аутсайдер, вышвырнутый из жизненной гонки более успешными конкурентами.

Но – и любой наблюдательный человек с удивлением подметил бы эту странность – хозяином за столом себя чувствовал именно отечественный лузер. Его же собеседник, несмотря на весь свой европейский лоск, выглядел чуток пришибленным и серьезно испуганным – хотя из всех сил старался этого своему партнеру не показывать.

Отечественный неудачник, пригубив из бокала, продолжил:

– Так вот, мой дорогой друг. Все, что я вам сообщил в первую нашу встречу – как вы, я думаю, уже убедились – вполне соответствует действительности. Службы этой ни в одном из реестров специальных органов, не важно, открытых ли, закрытых – нет; и, тем не менее, она существует. Более того – она активно работает. И не только по поддержанию связи со своей агентурой, щедро представленной в Восточной Европе. Я вам намекну – Балканы...

Собеседник плохо одетого мужчины неуверенно спросил:

– И что там будет?

– Пока не знаю. Знаю лишь одно – три отдела в последнее время пополнились офицерами, бывшими там в последнюю войну; естественно, все они официально в отставке и живут на пенсию в разных задрищенских – тем не менее, каждый день ровно в девять утра садятся за свои рабочие столы.

– И что они готовят... за этими своими столами?

– Ничего хорошего для ваших хозяев – это я знаю точно.

– Хм, господин... Ульянов, нам желательно точно знать, к чему именно готовиться. В противном случае я не уполномочен выплатить вам требуемую сумму...

– А мне насрать, уполномочен ты или не уполномочен. Если сегодняшняя наша встреча закончится вхолостую – все, больше я вас не знаю!

– Хорошо, хорошо, не горячитесь, господин Ульянов. Я постараюсь убедить свое руководство, что ваша информация стоит пяти тысяч. Но, вы сами понимаете, хотелось бы знать подробности... Может быть, вы сможете выслать нам какие-то данные по электронной почте?

– Нет. Никаких документов, никаких концов, никакой электронной почты. Сейчас отследить можно всё, кроме вот такого нашего разговора – и то, если рядышком нет заинтересованных людей. Это я вам как специалист докладываю. Лучше всего так, как сейчас, частный разговор за бокалом пива. Встретились, поболтали за «праздроем» или «хейнекемом» о делах наших скорбных, разбежались. В случае чего – ваше слово против моего слова. И ничего подписывать я никогда не стану – хватит, наподписывался. Я взялся информировать вас, чтобы элементарно обеспечить свою старость – и на хрена мне нужны будут ваши деньги в тюрьме или в могиле?

Собеседник отечественного неудачника протестующее замахал руками.

– Согласен, согласен. Так вы говорите, эта служба, которой нет, собирается активно действовать в Югославии, Албании и Боснии?

– Думаю, шире. Думаю, что охватит близлежащие страны – во всяком случае, шестеро оперативных работников готовятся к отправке в Македонию, Грецию и Болгарию. По версии для отдела кадров и финансового отдела – возобновить связи со старой агентурой. На самом деле, думаю, для организации активного противодействия вашей маленькой победоносной войне. Вы же думаете, что она будет именно такой?

Иностранец поджал губы, давая понять собеседнику, что этот вопрос – отнюдь не его дело. Затем спросил сухо:

– А нельзя ли узнать фамилии, под которыми эти офицеры выедут за границу?

Отечественный неудачник ухмыльнулся.

– Ну, парень! Выехать-то они выедут под одними – и я знаю, под какими – а вот какие паспорта у них окажутся уже на украинской границе – не говоря уж о румынской – я даже не догадываюсь!

– Хорошо. Чтобы получить свои деньги, вы должны сообщить мне фамилии этих людей. Хотя бы первые.

– Запомните?

– Может быть, я все же запишу? Эти русские имена...

– Нет! Доверьтесь своей памяти. Кулешов Андрей Валентинович, Токарь Евгений Петрович, Кузьмич Николай Семенович, Полежаев Максим Николаевич, Сердюк Вадим Леонидович, Гонт Александр Валерьевич.

Собеседники замолчали; нахрапистый неудачник с явным удовольствием отхлебнул пива, его визави несколько минут шевелил губами – старался запомнить столь неудобные для запоминания имена и фамилии.

– Запомнили? – человек в дешевом костюме решил поторопить своего собеседника.

– М-м-м... Да. Куда положить деньги?

– Сейчас зайдите в мужской туалет, оставите на сиденье. Я зайду за вами и возьму.

– Хорошо. Когда встречаемся в следующий раз?

– Давайте тридцатого октября в этом же месте в это же время. Приготовьте десять тысяч – я надеюсь узнать подробности о планах моих коллег по работе в вашем мягком подбрюшьи.

– Это... не очень много?

– Это жалкий мизер за то, что я вам расскажу.

– Хорошо, договорились. – Вальяжный встал, и неторопливо, с чувством собственного достоинства, направился в туалет.

Его собеседник приподнялся, чтобы следовать за ним – незамедлительно у его плеча нарисовался официант.

– Уходите? – в голосе работника подноса и полотенца звучала плохо скрытая подозрительность.

– Не дрейфь, халдей. Вон тот гладкий заплатит – как только вернется с очка. Видишь, и плащ его на спинке стула висит. Он нынче распорядитель банкета.

– Извините. – Тут же пошел на попятную официант: – Заказывать еще что-нибудь будете?

– Я ухожу, только отолью на дорожку. А ему принеси сто пятьдесят палинки. У вас какая есть?

– Венгерская.

– Ну, вот и чудненько. Ее и волоки.

Пока шел этот диалог, вальяжный уже вышел из туалета. Неудачник тут же прекратил разговор с официантом и быстрым шагом отправился туда же, чтобы, отеснив взявшегося уже было за ручку какого-то молодого человека с африканскими косичками на голове – причем, бросив что-то весьма ядовитое относительно внешности доморощенного рэпера, весьма того задевшего, судя по его реакции – закрыться в месте общественного пользования.

Через три минуты – в это время его вальяжный собеседник удивленно смотрел на официанта, ставящего на стол графинчик с янтарной жидкостью – человек в дешевом костюме покинул гудящее, словно пчелиный рой, заведение, и скрылся в переходе метро.

Его недавний визави внимательно посмотрел в спину неудачнику, уходящему в вечерний сумрак.

«Он, наверное, все еще думает, что мы не знаем, кто он такой... Боже, как наивны эти русские!» – подумал вальяжный и с удовольствием опрокинул рюмочку черешневой палинки. А затем быстро, пока память не дала сбой, написал список заученных фамилий на салфетке, которую осторожно сложил в портмоне.

Что ж, информация получена. Теперь следовало незамедлительно довести ее до командования – ну, это уже дело техники. Слава Богу, в наше время для этого нет никакой необходимости в дурацких шифроблокнотах, сеансах связи по рации, спрятанной на чердаке, и прочей ерунде, о которой пишут в шпионских романах. Все стало намного, намного, намного проще...

* * *

Левченко поёжился. Господи, ну ладно ему по роду деятельности приходится покидать Москву таким способом – но толкущиеся рядом с ним пенсионеры – кто их погнал на платформу пригородной электрички в такую рань, да еще под холодным ноябрьским морозящим дождем? Шесть утра! Или им просто не спиться, в их-то годы? Или дома делать просто нечего? Жуть...

Подошла электричка до Можайска. Левченко впрыгнул в теплый, дружелюбно загудевший вагон, устроился у окна. Ехать предстояло долго, можно было слегка дремануть. Но сон не шел; впрочем, оно и к лучшему – можно было, не спеша, обо всем подумать...

Чем хороша электричка? При покупке билета никто не спрашивает паспорт. На любой поезд нужен билет с указанием фамилии – что, по некоторым причинам, неудобно. Можно, конечно, было бы выехать и машиной – комфорт, удобство и скорость; но остановка на любом посту ГАИ была чревата засветкой. Херня, конечно, один шанс на миллион, что его фамилия останется в каком-нибудь милицейском журнале – но и этого шанса быть не должно. Официально он отправлен «Спецметаллснабэкспортом» в командировку в Ростов. Билет на поезд, квитанция из гостиницы, командировочное удостоверение, отмеченное там, куда его направ-

ляют, обратный билет – все будет готово к его возвращению. А реально он едет в Борисов, известить «крестника», что тревожное стаккато полкового горна для него, наконец, прозвучало...

М-да-а, по всем признакам предатель – майор Маслов. «Капканы» Левченко расставил на троих вновь пришедших на службу сотрудников – ну, это так, в порядке общей проверки – плюс всякими сложными путями довел информацию о планируемой доставке документов нелегалам в Болгарию полковнику Чернолуцкому (кадровику, пришедшему к ним по прямой протекции «нашего человека в Берлине», и поэтому бывшего для остальных сотрудников очень и очень темной лошадкой), его помощнику, майору Курносому, а также майору Маслову. Информация для всех была одна и та же, различались лишь даты доставки. И именно второго ноября, в тот день, который был сообщен персонально гражданину Маслову, и никому больше – к одному из вагонов поезда Санкт-Петербург-София на вокзале болгарской столицы деловито устремились неприметные люди в штатском. Конечно, коллеги этих ребят ждали еще в Русе, что к проводнику, взявшемуся передать пакетик с документами, подойдет связник, и они его браво повяжут, явив *urbi et orbi* мастерски проведенную поимку русских шпионов. Но связник в Русе не явился, и им пришлось уже в Софии брать собственно проводника – на безрыбье и рак, как говорится, рыба. Если бы в пакете оказались действительно британские паспорта с вклеенными в них фотографиями сомнительных палестинцев – то и этот улов был бы для болгарских борцов со шпионами лакомым кусочком, и злокозненного проводника свободно можно было бы предъявить в качестве доказательства искренних намерений Болгарии вступить в НАТО. Увы, в пакете оказались бланки удостоверений членов общества советско-болгарской дружбы, причем незаполненные. Операция закончилась большим пшиком, за которым с перрона с удовольствием проследил один из людей Артаксеркса – вскоре яркое и не лишенное литературных достоинств описание провала болгарских чекистов легло на стол Левченко.

Да, после софийского пшика на должность предателя должен был бы быть назначен майор Маслов – но, к вящему удивлению подполковника, Калюжный отложил в сторону доклад Артаксеркса и оргвыводов делать не стал. Очевидно, и Старик (как звали шефа за глаза его подчиненные, хотя стариком тот совсем не был, наоборот – недавно в свои сорок семь женился на двадцатипятилетней особе, и молодожены уже, по слухам, ожидали первенца) решил, что кто-то уж слишком сильно хочет, чтобы предатель в лице Маслова был изобличен и репрессирован; очевидная легкость, с которой их локальная операция «Чистые руки» немедленно дала результат, серьезно смущала начальника Управления Н. Что же до Левченко, то после софийских событий он был вообще твердо убежден, что протекает их контора совсем не в бухгалтерском закутке (подозрительно легко, еще на первом этапе проверки – каковых, между прочим, планировалось три – внутренний враг был изобличен и явлен в своей предательской сущности) – следовательно, предстояло до минимума свести внутренний обмен информации – во-первых, и продолжить поиск протечки уже другими способами – это во-вторых.

На Балканах ситуация развивалась почти строго в соответствии с предсказаниями подполковника Гончарова. Американцы постепенно превращались в одного из главных косовских «миротворцев». Высокопоставленные эмиссары с той стороны Атлантики зачастили в регион; их тщанием резко изменился характер обсуждений вопроса в Контактной группе по бывшей Югославии; о несчастной судьбе гонимых шептаров было и большинство публичных выступлений высших чинов Госдепа. Американцы усиленно искали (и находили!) среди косоваров «удобные» политические фигуры, а чтобы немцы не сильно лезли в балканские дела – умело согласовывали свои позиции с оппонентами Германии внутри Евросоюза и НАТО. США инициировали обсуждение косовской проблемы в Совбезе ООН – причем в форме прямых обвинений Сербии в «геноциде косовских албанцев». В результате этого обсуждения в конце сентября появилась резолюция Совета Безопасности ООН за номером тысячу сто девяносто девять, требующая прекращения действий югославских войск в Косове против мирного населения, а 2 октября – следующая резолюция Совбеза, еще раз осуждающая указанные действия, и уже

требующая уже непосредственного вывода югославских войск из этого самого Косова. Правда, в тексте этой резолюции еще не было решения о проведении военной «миротворческой операции» – против оказались Россия и Китай – но в этот же день, 2 октября, штатовский Госсекретарь, не к ночи будь помянутая госпожа Мадлен Олбрайт, и британский премьер Тони Блэр заявили, что для начала операции НАТО в Косове согласия ООН вовсе и не требуется. И на следующий же день политическое крыло УЧК – «Демократическая лига Косова» Ибрагима Руговы – заявила, что не пойдет на переговоры с Милошевичем, пока НАТО не начнет бомбардировки Сербии. Американцы явно натравливали своих вассалов на обострение ситуации.

Что-то ребята заторопились... Что ж, придется и нам чуток прибавить оборотов.

На прошлой неделе всплыло, что в Брюсселе, в штаб-квартире НАТО, взят с поличным югославский шпион – офицер французского генштаба майор Бюнель. Ну-ну... Такой же он шпион югов, как подполковник Левченко – папа Римский. Французы фрондируют англосаксонской идее бомбить югов при любом политическом раскладе в Косово – вот их ребят и «ловят с поличным». Дело житейское, Левченко во времена оны так же ловил «немецких шпионов» в Праге... Политика! Вот Эрве Гурмелон – тот да, тот действительно здорово помог сербам; причем, по ходу, чисто из соображений чести. Хорошо, что во французской армии еще живет это понятие... Для остальных – особенно для американцев – это так, пустое сотрясение воздуха. Если убийство целесообразно – они, не задумываясь, ударят ножом спящего в спину. Еще и бахвалиться после этого станут – дескать, минимизировали риски и оптимизировали расходы... В девяносто шестом их спецназ готовил захват Караджича – купленные ими сербы пригласили лидера мятежных сербов на совет, где бывшего профессора и должны были принять «зеленые береты». И майор Гурмелон посчитал бесчестным для себя и представляемой им страны участвовать в этой подлости. Предупредив сербов, он поставил большой жирный крест на своей карьере – но все равно, остался человеком. Жаль, так и не удалось на него выйти...

Электричка шла по дальнему Подмоскovie. Более-менее ухоженные места остались позади, теперь вокруг, насколько хватало глаз, тянулась заброшенная, никому не нужная – даже, похоже, самим русским – российская глубинка. Разруха... Как там говорил профессор Преображенский у Булгакова? Разруха не в сортирах, а в головах?

Заброшенные, поросшие многолетним бурьяном поля. Разрушенные, варварски изломанные фермы и машинные двory. Как будто Мамай прошел... Понятно, что в Краснодарском крае земледелие не в пример доходней, чем в Можайском уезде – но уничтожить исконно русскую, корневую, извечную деревню – зачем и кому это нужно? Пьянство, безысходность... Бесчисленные базары и базарчики, торговля всем и вся – но, главным образом, разным китайским дерьмом – вот и все занятие туземцев. Это ж надо так поставить экономику страны, чтобы выгодным стала только перепродажа заморского тряпья! Ладно, тут наша лавочка сделать ничего не может – что ж, будем делать там, где еще на что-то способны.

А способны мы на что? Правильно, на активные действия в тылу врага. Это ничего, что войны нет – враг, он все равно в наличии. Просто пока затаился, выжидает; от того, что активных боевых действий сегодня, положим, против нас он не ведет – врагом он быть отнюдь не перестал.

Можайск. Конечная.

Левченко вышел из электрички, с видимым удовольствием потянулся. Прошел на вокзал, узнал, когда электричка до Вязьмы; у него в запасе оказалось двадцать минут, и он решил не отказывать себе в удовольствии пройтись по привокзальной площади.

Хм-м... «Удовольствие» оказалось весьма относительным. Все то же, что и везде – грязь, заплыванная мостовая, которую уже лет двадцать никто не ремонтировал, торговые палатки, крикливые тетки, примеряющие ядовито-желтые китайские пуховики. Безнадега... Ну что ж, придется этим переболеть, ничего не сделаешь. Спасибо дефолту, на прилавках уже начали появляться отечественные товары – а то еще год назад уже казалось, что никакой перерабаты-

вающей промышленности в стране просто не осталось – только нефтяные и газовые скважины, трубопроводы и базары с китайским барахлом.

Что ж, прививка рыночных отношений сделана, пожалуй, чересчур мощная – организм народного хозяйства страны ее переносит с трудом, а для некоторых секторов она оказалась смертельной, и они тихо скончались. Ничего, выживем – зато начнем, наконец, понимать, что лишь собственный труд может стать настоящей ценностью. Как это было в Третьем рейхе... Ведь тоже был крах прежней системы хозяйствования, нищета, безработица – сорок процентов! – и, как следствие, суицидальные настроения, всеобщая депрессия. Знакомо до боли... Слабые опускают руки и идут ко дну; сильные ищут и находят выход. Правда, у нас тут выхода пока особо не видно, но ничего – в Смутное время ситуация еще и похлеще была. Может, еще и выдюжим – хотя та машина из подвала что-то не дает повода для оптимизма... Может, все бы и наладилось, если бы не наши заграничные «доброхоты», что душевно радеют о становлении демократических ценностей на одной шестой части суши – что-то уж больно шибко они лезут в наш огород. Спешат ребятки... А для нас в этой ситуации что главное? Главное – вовремя им дать по рукам, говоря по-русски – сделать укорот. И затем он, подполковник Левченко, и получает свое жалованье – дабы этот укорот был действенным и эффективным.

Ну что ж, посмотрим. Может, и он на своем месте что-то путное для своей страны в состоянии сделать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.